

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

«ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И
КУЛЬТУРОЛОГИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ»

Новосибирск, 2011 г.

УДК 7+008+81
ББК 71+84+85
Ф 54

Рецензент
кандидат филологических наук Бердникова Анна Геннадьевна
(г. Новосибирск).

Ф 54 «Филология, искусствоведение и культурология: актуальные проблемы и тенденции развития»: материалы международной заочной научно-практической конференции. (27 июня 2011 г.) – Новосибирск: Изд. «ЭНСКЕ», 2011. – 98 с.
ISBN 978-5-91711-044-8

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Филология, искусствоведение и культурология: актуальные проблемы и тенденции развития» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной филологии, искусствоведения и культурологии.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития филологии, искусствоведения и культурологии.

ISBN 978-5-91711-044-8

ББК 71+84+85

© НП «Сибирская ассоциация консультантов», 2011 г.

Оглавление

Секция 1. Теория и история культуры	5
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА ГОРОДА И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МУЗЕИ	5
Гун Галина Евгеньевна	
СИМВОЛЫ ВРЕМЕНИ МИРОВЫХ СТИХИЙ В ФЕЙЕРВЕРКАХ 1740–1750-Х ГОДОВ	8
Наймарк Елена Александровна	
Секция 2. Русский язык. Языки народов Российской Федерации	13
ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ УНИВЕРСАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА ('ЧАЕПИТИЕ' И 'БАНЯ') В ПОСЛОВИЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА РУССКОГО НАРОДА	13
Смирнова Лариса Александровна	
Секция 3. Германские языки	18
СЛОВА-ЭТНОРЕАЛИИ, ОТРАЖАЮЩИЕ КОНЦЕПТ “HAUS” В СМИ ГЕРМАНИИ	18
Кулдошина Наталия Николаевна	
АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОБЪЕКТИВИЗАЦИИ РЕГУЛЯТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ И ТАКТИК В АНГЛО- И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	23
Людерс Татьяна Михайловна	
КОНТРАСТ КАК ОСНОВА СЛОВЕСНОГО ПОРТРЕТА ПЕРСОНАЖА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ)	34
Цветкова Анна Николаевна	
Секция 4. Романские языки	41
ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ БИБЛЕИЗМОВ В ИСПАНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ	41
Присяжнюк Ирина Анатолиевна	
Секция 5. Теория языка	47
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОНЪЮНКТИВА В КОСВЕННОЙ РЕЧИ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ЗАМЕТОК)	47
Арсланова Альфия Искяндяровна	
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ МЕЖТЕКСТОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: К ПОСТАНОВКЕ	51

ПРОБЛЕМЫ	
Беляцкая Анастасия Александровна	
ГЕНДЕРНАЯ ОТНЕСЕННОСТЬ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО УРОВНЯ В ПРЕДВЫБОРНЫХ РЕЧАХ Х. КЛИНТОН И Б. ОБАМЫ	55
Куницына Евгения Витальевна	
СООТНОШЕНИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ И НЕТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСЕМЫ	63
Малюкова Елена Вячеславовна	
Секция 6. Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура	68
ИКОНОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ИКОНЫ В ВОЛГО-ВЯТСКОМ РЕГИОНЕ	68
Быкова Екатерина Васильевна	
ПОНЯТИЯ «КАТАСТРОФА» И «КАТАСТРОФИЧЕСКИЙ РЯД» В ИСТОРИИ ИСКУССТВА	77
Швец Татьяна Петровна	
Секция 7. Техническая эстетика и дизайн	83
ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИКО — ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДИЗАЙНА	83
Жиркова Наталья Михайловна	
Секция 8. Русская литература	87
К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРОЛОГИИ В.О. ПЕЛЕВИНА	87
Нечепуренко Дмитрий Валерьевич	
Секция 9. Теория литературы. Текстология	92
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ МИФОЛОГЕМ В СОВРЕМЕННОЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	92
Мамедова Саадат Арастун	
Кязимова Айтен	

СЕКЦИЯ 1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА ГОРОДА И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МУЗЕИ

Гун Галина Евгеньевна

*доцент, к. филос. н., Магнитогорская государственная консерватория
(академия) им. М.И.Глинки, г. Магнитогорск
E-mail: filosof_gun@mail.ru*

Современный город как сложная социокультурная система должен обеспечивать четыре основных функции: он призван быть местом, где комфортно жить, работать, отдыхать и передвигаться. Для осуществления этих функций необходимо, чтобы город был не только социальным институтом и жизненной средой. Город должен быть общностью людей, которые являются носителями единой культурной информации. Чтобы город был неким целостным организмом, каждый житель должен ощущать себя частью городской общности не только в сфере экономики, но и в сфере культуры.

Художественная жизнь города включает в себя культурную инфраструктуру, определенный уровень культурного предложения, проводимую культурную политику, спрос на культурные услуги, художественное сознание людей, которые характеризуются разной степенью включенности в культурную жизнь и другие элементы. Художественная культура города призвана регулировать процессы общения и взаимодействия людей в городском хронотопе.

Музей является неотъемлемой частью городской культуры. Он специфическое порождение городской культуры. Ему принадлежит особое место в целостной системе художественной жизни, поскольку он является ядром интеллектуально-художественных форм искусства и одновременно одной из доступных площадок художественной культуры.

За последние десятилетия произошли перемены в культурном облике города, получили развитие средства массовой коммуникации (в первую очередь телевидение), приобретают неубывающую популярность эстрада и спортивные зрелища. Иначе говоря, у музея есть альтернативы в плане культурного предложения. Он существует наряду с кино, библиотеками, театрами, спортивными зрелищами, развлекательными центрами и др. учреждениями, составляющими городской культурный пейзаж.

Социологи констатируют, что значения различных элементов культурной жизни неодинаково. Существует некое «ядро» культурной инфраструктуры и «периферия». Так называемое «ядро» культурных предпочтений горожан составляют часто выбираемые виды досуга. Это - спорт, кино, рестораны. Другие виды культурной деятельности можно назвать периферийными элементами в силу их меньшей популярности. К ним относится театр, гастрольные концерты, театральные гастрольные спектакли, посещение художественных музеев и выставок. Правда, социологи делают оговорку, что эти виды досуга тем не менее считаются престижными культурными предпочтениями (т.е. редкими и высоко оцениваемые). Таким образом, в современной городской культуре сохраняется высокий статус художественного музея как престижного учреждения культуры.

Художественные музеи аккумулируют и воспроизводят значимые общехудожественные ценности, оказывают влияние на особенности функционирования искусства в системе культуры и в жизни города как социокультурной системы. Музей как многофункциональный институт культуры в своем развитии зависит не только от современных ему социокультурных процессов, но и служит системной моделью процессов, протекающих в художественной культуре.

Художественный музей является объектом изучения самых разных гуманитарных наук. Однако его исследование преимущественно занимались историки и искусствоведы в рамках музееведения. Перспективы культурологического подхода к изучению музея были намечены в статье М.С. Кагана «Музей в системе культуры» [2 с. 455], но более углубленного развития пока не получили. В 90-е годы вышло несколько изданий, посвященных культурным и социально-политическим аспектам феномена музея (в частности, под редакцией И. Карпа, Д. Шермана и др.). А между тем, именно культурологическое исследование музея способно определить, в чем состоит специфика музея как культурного феномена, каковы его функции и значение для культуры. Культурологическая модель художественного музея сегодня формируется на основе анализа таких проблем, как особенности современной культурной и музейной коммуникации, место изобразительного искусства в современной культуре, принципы музейного восприятия искусства и др.

Культурологический дискурс позволяет выделить двух участников музейной коммуникации: художника и его творение, с одной стороны, и посетителя – с другой.

Музей — это среда бытования изобразительного искусства в современной культуре. Посетитель в художественном музее через экспонируемое произведение общается с его творцом, художником. Художественная экспозиция основным местом контакта человека с изобразительным искусством. Музейное посещение становится для человека актом автокоммуникации. Художественный музей, благодаря способности искусства быть самосознанием культуры, может осуществлять функцию постижения человеком своей собственной культуры, раскрытия самого себя.

Произведения изобразительного искусства Нового времени в большинстве своем не имеют другой сферы бытования, кроме музея или выставочного зала. В этом принципиальное отличие художественного музея от всех прочих. Если другие музеи (например, декоративно-прикладного искусства) для демонстрации арт-объекта вырывают его из первичного функционального контекста и этим кардинально меняют семантическое поле, то художественный музей свою вещь «ниоткуда не вырывает», ибо никакого иного функционального контекста художественное произведение не имеет. Более того, произведение изобразительного искусства, только попав в музей, приобретает новое звучание и свой статус. Вне стен музея (или выставки) в качестве художественного феномена оно для культуры не существует, поскольку в сфере художественной торговли или декорирования интерьера выполняет внехудожественные функции. Это тонко подметила Т.П. Калугина [3, с. 34].

В художественном музее процесс инкультурации человека происходит по двум направлениям путями. С одной стороны, на него воздействует непосредственно сами произведения искусства. С другой стороны, в категории художественной культуры зрителя вводит и сама экспозиция. Происходит это через реализуемое в экспозиции внятно выраженное отношение экспозиционера к выставляемому искусству и прежде всего за счет того, что выставляется. Отбор произведений уже выражает определенные критерии художественности и социальности. Существенным оказывается и то, сколько каких произведений выставлено. Характер экспонирования задает в известном смысле и алгоритм восприятия изобразительного искусства, а способ показа произведений определяет те аспекты, на которые будет направлено внимание зрителя и которые будут восприняты и оценены им.

Важным аспектом коммуникации в художественном музее является приобщение посетителя к культурно-исторической памяти. Функцию исторической памяти художественный музей реализует принципиально иначе, чем, например, музей исторический. Музейные

предметы в историческом, этнографическом, техническом и других музеях служат источником информации для рациональной реконструкции культурно-исторических эпох. Искусство же позволяет почувствовать целостность. Именно в этом состоит специфика художественного музея как канала культурно-исторической коммуникации.

Таким образом, культурологический взгляд на проблему существования музеев в городском художественном пространстве позволяет взглянуть на музей как на одну из культурных форм: рассмотреть, какие элементы составляют эту культурную форму, в чем особенность музейной коммуникации, в чем сущность музейного отношения к действительности и музейной деятельности, и наконец, как вызревает и развивается ядро этой культурной формы — музей в форме исторически конкретной культурной институции. Этот подход может обогатить и дополнить традиционный искусствоведческий.

Список литературы:

1. Дженкс, Ч. Зрелищный музей – между храмом и торговым центром: Осмысление противоречий. - Пинакотека, 2000, № 12.
2. Каган, М.С. Музей в системе культуры. - Вопросы искусствознания, 1994, № 4.
3. Калугина, Т.П. Художественный музей как феномен культуры - СПб., 2001.

СИМВОЛЫ ВРЕМЕНИ МИРОВЫХ СТИХИЙ В ФЕЙЕРВЕРКАХ 1740–1750-Х ГОДОВ

Наймарк Елена Александровна

*ассистент кафедры Менеджмента таможенного и страхового
сервиса Санкт-Петербургского государственного университета
сервиса и экономики, г. Санкт-Петербург*

E-mail: eanhistory@mail.ru

В период царствования Петра Великого символика стихий, времени уступала героическим сюжетам мифологической античности. Анна Иоанновна в середине царствования поощряла новую манеру росписи фейерверчных картин—появляются иконологические изображения панорам природы, стихийных сил мира [6]. Идеи о

возможностях самодержца конструировать время, картину мира воплотились в фейерверках 1740–1750-х годов.

В период царствования в России Иоанна Антоновича и правления Анны Леопольдовны были показаны два больших коронационных фейерверка. Основными ценностями, продемонстрированными их зрителям, являлись спокойствие империи и постоянство власти. В поздравлении в честь восприятия престола «основательницей» стабильности страны объявлялась Анна Леопольдовна — продолжательница политики Анны Иоанновны [7, с. 418-419]. Д.Д. Зелов обоснованно отметил, что основным достижением Анны Леопольдовны, осуществленным под предводительством Б.Х. Миниха, провозглашалось свержение политического режима Э. Бирона [2, с. 235]— что стало одним из важнейших условий развития России в 1730 – 1740–е гг. [4]. Однако государственная деятельность Б.Х. Миниха являлась главной причиной кризиса власти после смерти Анны Иоанновны, и оценивалась авторами инвенций негативно.

В коронационном фейерверке 1741 г. прославлялись традиционные идеи - преемственность власти, продолжение Иоанном Антоновичем политики Петра Великого. Самодержавие провозглашалось незыблемым, потому что оно обуславливалось «старой ревностью и возобновленной должности и древней верностью» российских подданных [8, с. 8].

В новогоднем фейерверке 1741 г. в честь коронации Иоанна Антоновича провозглашалась преемственность в царствованиях:

Всегда нечто новое,
А однако ж
Нет ничего нового под солнцем.
Чтоб дух великаго Петра
Во внуке Анны равен зрится,
Как славы перьях при Анне рос,
Чрез Анну б вящее возносился! [8, с. 8]

Традиционные идеи законной передачи власти изменяются в царствование Елизаветы Петровны. Несмотря на образ Астреи, императрица не считала себя законной преемницей предшествующей ей императрицы. Она называла своим прямым предшественником лишь Петра Великого. Таким образом, преемственность ветви Милославских, провозглашение которой являлось целью Анны Иоанновны, отрицалась.

В фейерверке 25 апреля 1742 г. провозглашалось: «Meam nihī redo coronam» или «свою себе налагаю корону» [3, с. 188]: Этой

этикетной формулировкой доказывалось исключительное право дочери Петра короноваться по своему желанию. Отметим некоторые особенности и отличия этих групп «зрелищ». В фейерверке впервые показаны часы и годы — символы *«управления временем»*, *«конструирования социальной памяти»*. Фейерверки как мистерии, мистификации подтверждали постепенно формировавшиеся представления горожан о сверхъестественных возможностях власти управлять временем.

Распространение эмблем с изображениями воды и ветров свидетельствовало о символах гармонии мировых стихий: Земли, Огня, Воды и Воздуха. Фейерверки стали новой орнаментальной культурой торжеств в России, рисованием Огнем по небу, то есть по воздуху

Таким образом, происходила десакрализация монархической власти в России, о которой уже говорилось. Первый фейерверк на коронавание императрицы подтверждал ее наследственное право на престол. Таким образом, также соблюдалась традиция коронаций Петра Второго, Анны Иоанновны, Иоанна Антоновича. Коронавание Елизаветы Петровны имело символическую особенность. В коронационных фейерверках, как уже отмечалось, было принято утверждать законность власти монарха и объяснять историческую ситуацию, во время которой царь вошел на престол. Это необходимость вызывалась противоречивостью «эпохи дворцовых переворотов». В церемониях восшествия на престол традиционно объяснялись, как Елизавета Петровна сразила дерзновенных политических противников «добротою», но также впервые описывалось, что она долго свое «имя таила», которое народная «любовь открыла». Красноречиво обращение к императрице: «Отеческой земли любовь коль долго по ТЕБЕ вздыхала» [2, с. 406]. Эти слова были призваны доказать неправильность и незаконность царствования Анны Иоанновны, которую сразу перестали прославлять в фейерверках. В эмблематике фейерверков в царствование Елизаветы Петровны выразилась важная общественно-политическая идея этого исторического периода—противопоставление дочери Петра Великого Анне Иоанновне. Негативная оценка предыдущего исторического периода — традиция, которая особенно крепко укоренилась в Российском государстве со времени Петра Великого, в 1740–1760-е гг. получила яркое выражение в одах и фейерверках.

Возможно, самым красивым из созданных «театрумов» являлось новогоднее «зрелище» 1755 года. Перед Зимним дворцом Елизаветы Петровны был показан один из самых сложных и

масштабных фейерверков ее царствования. Об этом свидетельствует изображающая его гравюра, сохранившаяся в Отделе Западноевропейского изобразительного искусства в Государственном Эрмитаже [8]. Вероятнее всего, ее автор П. Мартынов обращался за материальным обеспечением этой иллюминации в артиллерийское ведомство. Профессиональную помощь ему могли оказать в Гравировальной палате Академии наук, так как артиллерийские служащие там нередко консультировались по проектированию фейерверков. Театр фейерверка состоял из трех огромных планов. На первом изображались три колесницы. Левую колесницу возглавляла Астрея [8] — богиня правосудия, символ легитимности и преемственности власти. Второй упряжкой из четырех коней управляла Елизавета Петровна в образе богини охоты Дианы, окруженная всадниками, обходящими ее по кругу (вероятно, дань моде на карусели) [8]. На третьей декорации изображена Елизавета Петровна (в образе Астреи), сидящая в упряжке из лебедей. Эти картины являлись памятниками изобразительного искусства эпохи барокко. На втором плане были показаны фонтаны и декоративные вазы, а также размещен вензель императрицы. Примечательно, что Елизавета Петровна по европейскому обычаю, перенесенному в Россию Петром Великим, называлась Елизаветой I. В центре театра, на последнем плане был показан монумент, окруженный колонами, перед которым благоговейно стояла императрица. Необычной декорацией являлось изображение Елизаветы Петровны на небе, - там, где обычно изображался треугольник, символизовавший Бога.

В этом новогоднем фейерверке воплотились основные принципы построения трехуровневых фейерверочных проектов. Прямые струи, взлетавшие к небу (эта декорация существовала на практике, а не только на одной гравюре, так как она повторялась во многих изображениях), композиционно связывали настоящие небеса с верхним уровнем фейерверка и олицетворяли основной архетип — Воздух, небо. На втором плане изображались мифологические сюжеты, как на Олимпе. Земля в облаках и окруженная ветрами — важнейший семантический символ-аллегория. На ней в показе 1755 года изображались реальные и гиперболизированные символы — императрица на колесницах (колеса — символика цикличности времени), правительница над эмблемой с изображением года, то есть свидетельство того, что царицы, подобно «королям-чудотворцам», могут совершать сверхъестественные геройства, властвовать над ходом времени, событий. До конца царствования Елизаветы Петровны эти выразительные символы стали традиционными.

Семантика эмблем прошла сложную эволюцию от традиционных батальных зрелищ начала XVIII века — символов победоносности России до многоплановых изображений 1750-х гг. Храмов, у подножий которых летели колесницы, кружили карусели — знаки стремительности и цикличности главнейшего архетипа — Времени. Примечательно, что если в царствование Иоанна Антоновича и Анны Леопольдовны провозглашалось, что во времени «под солнцем ничего нового произойти не может», то в 1750-е гг. монарх ставился выше по могуществу важнейших стихий мира.

Список литературы:

1. Всеподданнейшее поздравление для восшествия на всероссийский престол ея величества (...) Елизаветы Петровны (...) 18 декабря 1741 года всеподданнейшее представление от ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК. /Примечания на Санкт-Петербургские ведомости. СПб., 1741.
2. Зелов Д.Д. Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII–первой половины XVIII века (история триумфов и фейерверков от Петра Великого до его дочери Елизаветы). М., 2002. Едиториал УРСС. 303 с.
3. Изображение и изъяснение фейерверка и иллюминации, (...) совершившегося 25 апреля 1742 года (...) державнейшия великия и непобедимыя государыни Елизаветы Петровны. СПб., 1742.
4. Курукин, И.В. Бирон. М., 2006.
5. Отдел западноевропейского изобразительного искусства Государственного Эрмитажа (ОЗИИ ГЭ). № 74623, Л. 23.
6. Погосян Е.А. Петр I — архитектор российской истории. СПб.: «Искусство – СПб». 2001. 424 с.
7. Примечания к Ведомостям на 1741 год в Санкт-Петербурге. СПб., 1741.
8. Примечания на Санкт-Петербургские ведомости. СПб., 1740.

СЕКЦИЯ 2. РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ УНИВЕРСАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА ('ЧАЕПИТИЕ' И 'БАНЯ') В ПОСЛОВИЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА РУССКОГО НАРОДА

Смирнова Лариса Александровна

соискатель КазНПУ им. Абая, г. Алматы, Казахстан

E-mail: larisa-37@mail.ru

Национальные русские традиции прослеживаются в различных сферах жизни нации: в устной и письменной речи, в фольклоре (былины, сказки, частушки, поговорки), в проведении праздников, в национальной кухне, в изготовлении игрушек, в народном костюме, в религиозных обрядах.

В данной статье предметом нашего исследования являются традиции русского народа, дошедшие до наших дней и представленные концептами 'чаепитие' и 'баня'. Исследуемые концепты характеризуются как концепты универсального характера, так как являются универсальной составляющей культуры повседневности и отмечены значительной национальной спецификой русского народа.

Первая традиция, о которой пойдет речь - это русское чаепитие.

Следует указать, что во II половине XVIII века в быт России вошло чаепитие и стало одним из важнейших элементов общения людей. Было принято звать в гости на чашку чая, пили его «с холоду», «после баньки», «с устатку», «с дороги». Чай бодрил, согревал, поднимал настроение.

В Толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой мы находим значение понятия «чаепитие»: «ЧАЕПИТИЕ - питье чая. Вечернее чаепитие» [3]

Русский народ придумал абсолютно уникальный аппарат для приготовления чая – самовар! Едва ли найдется другой символ, с такой полнотой воплотивший в себе и быт, и душу народа. Невозможно представить себе русский быт без этого уютного атрибута традиционного семейного чаепития: **Самовар** кипит – уходит не велит; **С самоваром-буяном** чай важнее и беседа веселее; **С легким паром, с горячим самоваром**; **Со своим самоваром в гости не ходят** [2] (Все пословицы и поговорки в статье взяты из данного источника).

В своей статье "Петербург и Москва" В.Г. Белинский противопоставил эти два города как новое и старое, и среди типично московских, патриархальных черт отметил следующее: "В Москве много трактиров, и они всегда битком набиты преимущественно тем народом, который в них только пьет чай...» [1].

Между тем следует отметить, что в отличие от чопорного Петербурга, где "пили кофий", в Москве с утра до вечера "гоняли чай". Чай стал истинно московским напитком. Настоящий чай, по мнению москвичей, должен быть очень горячим, хорошего сорта и обязательно крепким, густым. И лучше пить чай не внакладку, а вприкуску, чтобы не перебивать сахаром его настоящего вкуса. Сердечность и простота - характерная черта московского чаепития. Считалось неприличным, пригласив гостя в дом, не напоить его чаем.

По русской традиции, чай домашним и гостям наливала хозяйка дома, а в ее отсутствие – старшая дочь. Искусство заключалось в том, чтобы каждому гостю поровну достались и порция горячего и крепкого чая, и радушное внимание хозяина.

Таким образом, древняя традиция, укоренившись, вошла в пословицы и поговорки русского народа, что нам наглядно может продемонстрировать таблица 1.

Таблица 1. Репрезентация концепта 'чаепитие' в русской пословичной картине мира

Концепт	Примеры пословиц и поговорок	Культурно-освоенный смысл текста пословиц и поговорок	
'ЧАЕПИТИЕ'	<i>Пей чай, не вдавайся в печаль</i>	Пьешь чай – забываешь тоску, печаль, скуку.	
	<i>С чая лиха не бывает</i>		
	<i>Выпей чайку – забудешь тоску</i>		
	<i>За чаем не скучаем – по семь чашек выпиваем</i>		
	<i>Устал – пей чай, жарко пей чай, хочешь согреться – пей чай</i>		Пьешь чай – набираешься сил
	<i>Если чай не пьешь – где силы берешь</i>		
	<i>Чай пьешь – до ста лет проживешь</i>		
<i>Чай не пить, так на свете</i>			

	<i>не жить</i>	
	<i>Чай пить – не дрова рубить</i>	
	<i>Чай пить – приятно жить</i>	
	<i>От чая пьян не будешь</i>	
	<i>Где есть чай – там под елью рай</i>	
	<i>Плох обед, когда чая нет.</i>	Без чая плохим считается обед

Проанализировав пословицы и поговорки с данным концептом, мы пришли к выводу, что особенности русского менталитета повлияли на основную задачу чаепития. Русские люди не отрешаются от суетного мира, попивая чай, для них чайная церемония - повод к сближению, душевной беседе.

Далее мы обратимся к исследованию не менее популярной традиции русского народа, которая репрезентирована в концепте 'баня'.

Описание репрезентации концепта '**баня**' требует обращения к данным Толкового словаря С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. Таким образом, нами было выявлено несколько значений данного концепта: 1) **БАНЯ** - 1. Специальное помещение или учреждение, где моются и парятся. Истопить баню. Городская баня. Финская баня (сауна). 2. Мытье людей (разговорное). Устроить детям баню. 3. Задать баню кому – либо (разговорное) - сильно разбранить [3].

Концепт '**баня**' прочно укоренился в русских пословицах и поговорках, с ним связано много шуточных советов, например: *Свет не баня, для всех место будет; Блошка банюшку топил, вошка парилась, с полка ударилась; В кабаках дневать без денег скучно; в торговых банях ночевать душно.* «Пристал, как банный лист», – и поныне говорят о надоедливом человеке, а выволочкой грозя, обещают «задать баню»: *Дам баню, что до новых веников не забудешь.* Ее же припоминали, высказываясь:

- о глупости (*Каких только дураков нет, и после бани чешутся*);
- о недалёковидности (*Ума – два гумна, да баня без верху*);
- о поспешности (*Слепой в баню торопится, а баня не топится*);
- о болтливости (*Анна – затычка банна*).

Кроме того, утешение расстроенному человеку выражалось так: *Баня смое, шайка сполоснет.*

Таблица 2. Репрезентация концепта 'баня' в русской пословичной картине мира

Концепт	Примеры пословиц и поговорок	Культурно-освоенный смысл текста пословиц и поговорок
'БАНЯ'	<i>Душистый пар не только тело, но и душу лечит</i>	Баня исцеляет множество болезней, прибавляет силы.
	<i>Жаркий пар любой недуг исцелит</i>	
	<i>Баня – мать вторая: кости распарит, все дело поправит</i>	
	<i>Баня здоровит, разговор веселит</i>	
	<i>Вылечился Ваня – помогла ему баня</i>	
	<i>Баня любую болезнь из тела гонит</i>	
	<i>Коли б не баня, все бы мы пропали</i>	
	<i>Баня все грехи смое</i>	В бане можно снять накопившуюся усталость и стресс, очистить не только тело, но и душу.
	<i>Помылся в бане – как сто пудов с себя снял</i>	
	<i>Банька - не нянька, а хоть кого ублажит</i>	
	<i>В бане помыться – как заново родиться</i>	
	<i>Стриги свою бороду, чеши свою голову, ходи в баню по субботам</i>	Вековые правила, связанные с походом в баню
	<i>Постничай по середам, ходи в баню по субботам, все в свое время</i>	
	<i>Помни день субботний: иди в баню</i>	
	<i>Дух парной, дух святой</i>	Важнее всего в бане считались пар
	<i>Баня без пара, что щи без навара</i>	
	<i>Пар костей не ломит, вон</i>	

<i>души не гонит</i>	и веник
<i>В бане парок и ладит, и гладит</i>	
<i>Когда паришься – тогда не старишься</i>	
<i>Пар любить - баню топить</i>	
<i>Веник в бане всем начальник</i>	
<i>В бане веник дороже денег</i>	
<i>Баня без веника – что стол без соли</i>	
<i>Без веника баня не парит, а пар не жарит</i>	
<i>Такая парка, что небу жарко</i>	

Таким образом, можно сделать вывод о том, что и сегодня пословицы и поговорки, в которых отразились такие традиции русского народа, как чаепитие и русская баня, активно употребляются в народной речи.

Следование традициям помогает ощутить человеку свои национальные корни, принадлежность в единой нации, с богатой историей и духовно-культурными ценностями.

Список литературы:

1. Белинский В.Г. Собрание сочинений в трех томах. Т. II - ОГИЗ, ГИХЛ, М., 1948 / <http://az.lib.ru/b/belinskij>
2. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999.
3. Толковый словарь русского языка/ Под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой / <http://www.slovotolk.ru>

СЕКЦИЯ 3. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

СЛОВА-ЭТНОРЕАЛИИ, ОТРАЖАЮЩИЕ КОНЦЕПТ “HAUS” В СМИ ГЕРМАНИИ

Кулдошина Наталия Николаевна

аспирант-соискатель ТГУ им. Г.Р.Державина, г. Тамбов

E-mail: natakul@list.ru

Современный этап развития гуманитарных наук характеризуется особым вниманием к вопросам антропоцентричности и этничности. Важную роль при этом играет изучение того, “как именно человек воспринимает и концептуализирует действительность, какие факторы объективного и субъективного порядка имеют определяющее значение в формировании картины мира определённым этносом” [6, с. 16].

Основы современного рассмотрения языка как культурного кода нации были заложены, как известно, Вильгельмом фон Гумбольдтом, считавшим представление о языке как об инструменте познания и общения неполным и называвшим языки «творениями наций» [4, с. 66].

Общеизвестно, что человек может познавать мир только при наличии восприятия. Поэтому физиология и психология восприятия имеют непосредственное отношение к тому, как в языке отражается то или иное видение мира. Кравченко отмечает: «С одной стороны, восприятие, членение и концептуализация мира отражается в существовании универсальных понятийных категорий, свойственных разным языкам. С другой стороны, в каждом отдельно взятом языке имеется система специфических понятий, свойственных именно этому языку и несвойственных другим – в этих понятиях, как правило, отражается то, как мы видим мир» [5, с. 62].

Поскольку содержание концепта обусловлено культурой и языком, оно может быть различно у людей разных культур, в разных языках. В концептосфере любого народа есть немало концептов, имеющих яркую национальную специфику. Н.В. Крючкова считает, что эти концепты имеют большое значение для понимания так называемого «национального менталитета», они, безусловно, оказывают большое влияние на восприятие и оценку происходящих явлений и событий [8, с. 10].

О.И. Быкова разделяет концепции Кравченко и Н.В. Крючковой. Она пишет, что у каждого народа помимо общей гомосферы,

«человекоокружения», существует своя разновидность со своими источниками обогащения гомосферы, со своей национальной спецификой, «этногомосфера». Вне этноса нет ни одного человека на Земле. В формировании и сохранении идентичности особое место принадлежит важнейшим элементам этнокультурного бытования: языку, традициям, эстетическим нормам, религии и т.д. Культура этноса обеспечивает его интеграцию и стабильность. Отражённые сознанием этноса представления о феноменах культуры образуют структурированное определённым образом этнокультурное пространство [2, с. 6-7, 15]

В рамках обширной проблематики, связанной с национально - культурной семантикой языка, важное место принадлежит словам – этнореалиям как лексическим единицам, обозначающим предметы, явления, понятия, характерные лишь для определённого этноязыкового коллектива.

Исследователи, занимающиеся описанием концептов, характерных для определённого этноса, дают различные формулировки подобным концептам: Шумагер Е. называет их словами – этнореалиями, Чернявская Ю. - этнокультурными реалиями, Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров - безэквивалентной лексикой [см. 11, 10, 3]

В данной статье представляется целесообразным рассмотреть слова-этнореалии, отражающие концепт «Haus» в немецких СМИ.

Слова-этнореалии на обычном для них фоне, а именно в обиходных ситуациях, не имеют никакого стилистического заряда, а выполняют лишь номинативную и коммуникативную функции. Их национальная специфичность в данном случае не играет никакой роли, не осознаётся говорящим.

Этнокультурные реалии и создают особый строй языка. В нем закодирована весьма своеобразная национально-культурная информация, которая дается носителям данного языка и соответствующей культуры подсознательно и интуитивно [10]

Реалии (предметы материальной культуры [1, с. 381]) воспринимаются как элемент национального колорита лишь в переводе, но не в оригинале, где их национальная окраска не ощущается, и поэтому они не бросаются в глаза, не задерживают внимание как нечто незнакомое.

Немецкие слова-этнореалии как лексические единицы, не имеющие соответствия в других языках по той причине, что они связаны определённым образом с историей и культурой немецкого народа, “воспринимаются как нечто специфично немецкое и

характерное для речи немца, иными словами, как немецкий национальный речевой колорит.” [11, с. 142]. А благодаря свойственной многим словам-этнореалиям временной маркированности, слова-этнореалии являются и средством создания исторического колорита, колорита определённой эпохи.

Словами-этнореалиями, отражающими концепт “Haus” в немецком языке, являются: das Fachwerkhaus (der Fachwerkbau), das Backsteinhaus (der Backsteinbau).

Лексическая единица “das Fachwerkhaus” сформировалась в средневековье. Она отражает историю, культурные традиции народа, особый стиль строительства жилья в Германии. Данный стиль строительства был особенно популярен в Германии в XVII – XVIII века.

Как отмечает Д.Г. Мальцева, Уже к концу XI в. центр общественной жизни в стране стал перемещаться в города. В средние - и южнонемецких городах получила широкое распространение фахверковая техника строительства домов: деревянный каркас заполнялся кирпичом или глиной и составлял своеобразную мозаику. Стены окрашивались белым, переплёты – чёрным цветом [9, с. 187] По мнению М.С. Колесниковой, художественная выразительность таких домов достигалась более сложным рисунком [7, с. 19]

В СМИ часто отражён период постройки таких домов: может быть указан год: Um das Jahr 1200 standen hier Fachwerkhäuser. (www.zeit.de/2008/06/A-Berlin); век: im 16. Jahrhundert erbauten Fachwerkhauses (www.zeit.de/kultur/kunst2010-12); das Fachwerkhaus aus dem 14. Jahrhundert (www.zeit.de/2011/05).

Конкретный период может и не указываться, однако, употребляется прилагательное alt, подчёркивающее, что дом построен давно: Erst wenige Wochen zuvor hatte er das alte Fachwerkhaus am Herborner Buttermarkt gekauft. (www.zeit.de/2009/28); viele der jahrhundertalten Fachwerkhäuser (www.zeit.de/reisen/2010-05); alte Fachwerkhäuser mit bunt gestrichenen Fensterläden (www.zeit.de/online/2008/30).

Подчёркивается также забота о таких домах, поскольку они отражают культуру и историю народа: Das Leib'sche Haus, ein restauriertes Fachwerkhaus von 1350, präsentiert Stadtgeschichte. (www.zeit.de/2011/07); seines kunstvoll renovierten Fachwerkhauses (www.zeit.de/2010/13).

Лексическая единица das Backsteinhaus также отражает историко-культурные традиции немецкого этноса. Как отмечает Д.Г. Мальцева, это постройка из обожжённого кирпича. Для севера и

северо-востока Германии было характерно каменное зодчество с использованием обожжённого кирпича. В начале XIII в. цистерианцы ввели в массовую практику обожжённый кирпич и прочный известковый раствор. Кирпич, до того распространённый во Франции и Нидерландах, стал основным строительным материалом [9, с. 187]

Данная лексическая единица в прессе употребляется реже. В сочетании с данным словом может употребляться наименование местности, отражающей географию строительства таких зданий: Es sind noch ein paar warme Tage vor der Kueste Ostfrieslands, aber die Sonne sticht nicht mehr, sie umspielt die roten Backsteinhäuser nur noch. (www.zeit.de/stoerungsmelder/2007/12/18). Может подчёркиваться также, что здание построено давно: Pattey Hefley, die in einem alten Backsteinhaus an der 20. Strasse ganz dicht an der High Line wohnt (www.zeit.de/reisen2010-08). В данном примере прилагательное alt подчёркивает, что дом уже старый, а глагол wohnt показывает, что дом является жилым. Может быть указана эпоха постройки здания: viele der industriellen Backsteinbauten der viktorianischen Epoche (www.zeit.de/reisen/2010-05). Прилагательное industriell показывает, что такие здания могли быть не только жилыми, в них могло располагаться и производство. Сочетание лексической единицы Backsteinhaus с прилагательным niedrig показывает, что данные дома не были многоэтажными: als Strom niedriger Backsteinhäuser in Richtung Westen (www.zeit.de/2003/05).

Таким образом, анализ эмпирического материала показал, что слова-этнореалии das Fachwerkhaus, das Backsteinhaus (der Backsteinbau) в современных СМИ Германии играют особую роль в вербализации концепта “Haus”, поскольку отражают национально-культурный компонент данного концепта, исторические традиции этноса.

Список литературы:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: ДомКнига, 2007. – 576 с.
2. Быкова О.И. Этноконнотация как вид культурной коннотации (на материале номинативных единиц немецкого языка)/ О.И. Быкова – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. – 277 с.
3. Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.

4. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1984. — 397 с.
5. Кравченко А.В. Феноменология значения и значение феноменологии в языке //Категоризация мира: пространство и время. Материалы научной конференции. М.: МГУ, 1997.- С. 61-72.
6. Кравченко А. В. Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации.- Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1996,- 160 с.
7. Колесникова М.С. Германия: страна и культура в лексикографическом освещении // Вопросы лингвострановедения и лексикологии: Межвуз.сб. статей. – М.: Прометей, 2003. – С. 11-33
8. Крющкова Н.В. Лингвокультурное варьирование концептов. – Саратов: «Научная книга», 2005. – 165 с.
9. Мальцева Д.Г. Германия: страна и язык. Landeskunde durch die Sprache. Лингвострановедческий словарь. – М.: Русские словари, 1998. – 382 с.
10. Чернявская Ю. Народная культура и национальные традиции. [Электронный ресурс]. URL: [http://www.gumer.info/bibliotek Buks/Culture /Chern/11.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture /Chern/11.php) (дата обращения: 1.06.2011)
11. Шумагер Е.И. Слова-этнореалии в кругу смежных типов лексики //Актуальные аспекты описания современной немецкой лексики.- Калинин, 1985.- С. 133-142

Источники фактического материала:

www.zeit.de/2003/05, www.zeit.de/2007/12/18,
www.zeit.de/2008/30, www.zeit.de/2009/28, www.zeit.de/2010-05,
www.zeit.de/2010-08, www.zeit.de/2010-12, www.zeit.de/2011/05,
www.zeit.de/2011/07

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОБЪЕКТИВИЗАЦИИ РЕГУЛЯТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ И ТАКТИК В АНГЛО- И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Людерс Татьяна Михайловна

*аспирант кафедры теории языка и переводоведения гуманитарного
факультета Санкт-Петербургского Государственного
Университета*

экономики и финансов, г. Санкт-Петербург

E-mail: sail470@mail.ru

На современном этапе развития лингвистической науки большинство классификаций дискурса выделяют публицистический дискурс в качестве самостоятельного типа. Данный факт обусловлен социальной значимостью той коммуникативной сферы, которую репрезентирует данный тип дискурса: во-первых, информирование массового адресата об общественно значимых проблемах и событиях, во-вторых, формирование социальной оценки этих проблем и событий, в-третьих – управление, манипуляция общественным мнением [4, с. 4].

Именно в языке средств массовой информации легко увидеть те новые тенденции в подходах к изучению языка, которые прослеживаются в современной лингвистике [5, с. 31]. Можно сказать, что СМИ создают определенную текстуально-идеологизированную «иконосферу» [5, с. 29], в которой живет современный человек и которая служит четкой концептуализации действительности. Таким образом, следует констатировать, что публицистический дискурс в сегодняшних условиях активно управляет деятельностью и организует сотрудничество людей, воздействует на реципиента, регулируя переход индивидуального сознания человека в категорию массового общественного сознания [3, с. 102], при этом с развитием общества, науки и культуры подобное регулятивное воздействие на адресата, в особенности в качественной центральной публицистике, приобретает все более скрытую, завуалированную форму репрезентации в регулятивных стратегиях и тактиках.

Под **регулятивной речевой стратегией** мы понимаем комплексный, когнитивно-коммуникативный процесс, выражающийся в выборе говорящим/пишущим системы продуманных поэтапных регулятивных речевых действий - **тактик**, формирующих линию регулятивного речевого поведения, принятую на основе осознания коммуникативной ситуации и направленную на достижение конечной коммуникативной цели.

Вслед за другими исследователями [1, с. 143; 2, с. 6 и др.] нам представляется целесообразным выделить два основных вида регулятивных стратегий современного публицистического дискурса: **информирования** и **манипулирования**, последняя из которых представлена зеркально-выраженными стратегическими направлениями солидаризации и дистанцирования/ оппозиционирования.

Проведенный автором анализ выборки малоформатных текстов политической направленности, опубликованных в центральных англо- и немецкоязычных газетных и журнальных СМИ Великобритании, Германии, Австрии, Швейцарии, Канады и США за 2008-2011 гг. (всего более 120 образцов текстовых произведений) свидетельствует о превалировании стратегии информирования как базовой стратегии, отличающейся слабой степенью регулятивности и являющейся контекстуальной основой для объективизации в тексте стратегии манипулирования, которой, в свою очередь, характерна более высокая степень выраженности регулятивной маркированности.

По признаку стратегической закрепленности нам видится возможным разграничить в публицистическом дискурсе **специфические тактики**, предназначенные для репрезентации конкретной стратегии, и **неспецифические тактики**, которые не имеют стратегической закрепленности и получают таковую, лишь оказавшись в «прагматическом пространстве» дискурса (в их числе в качестве превалирующих – тактики обобщения, усиления, апелляции к авторитету, приведения примера, интриги, самопрезентации).

Стратегия информирования, определяемая базовой в исследуемом нами дискурсе, наиболее часто представлена в изученном эмпирическом материале специализированными тактиками ("New Yorker", "The Washington Post", "The Globe And Mail", "The Guardian", «Die Welt», "Der Tagesspiegel", "Sueddeutsche Zeitung"):

1) сообщения/ комментирования

(1) *Foreign Affairs Minister Lawrence Cannon says he's "troubled" by Mikhail Khodorkovsky's recent conviction in a Russian court....*

(2) *Der Vorfall, der sich bei der Vorstellung des Kabinetts des nunmehrigen Ministerpräsidenten Putin ereignete, ist sinnbildlich für die Unsicherheit, mit der der Machtwechsel im Kreml behaftet ist.*

2) описания/ иллюстрирования/ аргументирования

(1) *Khodorkovsky, a former Russian oil baron once considered among the richest men in the world, was arrested in 2003 for tax fraud after falling out with then-president Vladimir Putin and siding with opposition political forces.//*

The British side took an unfriendly step the other day, having groundlessly declared one of our colleagues in our embassy in London persona non grata," Russia's foreign ministry said in a statement.

(2) Woraus sich aus russischer Logik ergibt, dass Arbeit mit jenen Medien, die man nicht – wie zu Hause – domestizieren kann, von vornherein vergebliche Liebesmüh ist. Da gehen die Georgier ganz anders vor: Seit dem Kaukasus-Krieg haben sie eine international versierte PR-Firma mit Sitz in Brüssel, London und Paris engagiert, welche die Medien nahezu stündlich mit den Argumenten der Saakaschwili-Führung bombardiert. Dazu gibt es Hintergrundgespräche und Interviewvorschläge, der Präsident selbst bietet sich noch nachts um drei als Gesprächspartner an. Nicht zuletzt deswegen haben Saakaschwilis Leute den Informationskrieg um Südossetien gewonnen, die russische Seite hat ihn verloren. Das übrigens ist eine Feststellung russischer Beobachter.

3) акцентирования внимания

(1) Surprise number two is the amount of reconstruction in the Chechen capital. Five years ago when I last visited Grozny it still looked like the ruins of Dresden or Hiroshima, street after devastated street.

(2) Der Kreml aber will der neuen Welle von Gewalt beikommen.

4) дополнения, дополнения с разъяснением

(1) China's Ministry of Foreign Affairs said on Tuesday that Brazil, Russia, India and China have agreed to invite South Africa to join their grouping of emerging economies, referred to as BRIC./ South Africa's government will be pleased.

(2) Deutschland und Frankreich bleiben aber die "strategischen Partner" Moskaus. So begrüßte Medwedjew ausdrücklich die Initiative des Bundespräsidenten Christian Wulff zur Zusammenarbeit in Rechtsfragen. Diese könnte dem Aufbau der Zivilgesellschaft in Russland dienen, unter anderem im Nordkaukasus, wo heute ein rechtsloser Raum existiert. Der Westen sollte das neue Zeitfenster für die Verbesserung der Beziehungen zu Moskau nutzen. Wer weiß, wie lange es offen bleibt.

5) вывода

(1) Does the U.S. issue a statement of solidarity with Georgia for this restraint exhibited by an occupied democracy? Or suggest that Georgia might be deserving of some military aid? Nope. These are the terms of the relationship that the Obama administration has set.

(2) Auch Tschernyschenko, der Präsident des Organisationskomitees, gibt im Gespräch zu, dass ihn vor allem das Ausmaß des Personalproblems überraschte. Aber man arbeite gerade daran, es zu beheben, indem man die Tradition der Freiwilligenarbeit

wieder aufleben lasse und Leute aus dem ganzen Land in Sotschi zusammenziehe.

Und man werde im Bereich der Ökologie und der behindertengerechten Ausstattung Standards in Russland setzen: "Sotschi ist die Blaupause für ein neues Russland."

6) предположения

(1) *Russia may suffer in the short term on entering the WTO as its markets open to greater international competition, officials and business leaders on both sides have said. Still, Moscow may benefit in the long run from increased trade.*

(2) *Und Angela Merkel kann auch daheim etwas tun. Sie könnte all jene deutschen Wirtschaftsvertreter zum Tee einladen, die neue, einträgliche Verträge mit Russland machen wollen und Putin deshalb umschwärmen. Und erklären, warum jedenfalls die Bundesregierung Russland eine kühle Schulter zu zeigen gedenkt.*

7) представления

(1) *Now comes Dmitry Anatolyevich Medvedev, the next President of Russia. Five feet four. Forty-two years old. Lawyer. Friend and longtime protégé of Vladimir Putin. Husband (wife: Svetlana). Father (son: Ilya, age eleven). Nickname in the Kremlin: the Grand Vizier.*

(2) *In Moskau trat der russische Außenminister Sergej Lawrow vor die Kameras und rang nach kontrollierten bösen Worten. Im russischen Quartier in Brüssel dagegen herrschte aufgekratzte Hochspannung: Was würde Rogosin, das Enfant terrible der europäischen Diplomatenzene, Unerhörtes sagen? Rogosin enttäuschte nicht.*

Регулятивная стратегия **манипулирования** ориентирована на одобрение / осуждение поступков человека или отдельных событий как с позиции закона, так и с точки зрения морали, социальных норм, ценностей. Стратегическое направление солидаризации направлено на демонстрацию близости, единодушия с коммуникативным партнером/освещаемым событием/проблемой. Стратегическое направление дистанцирования/ оппозиционирования имеет целью противопоставление своего и чужого коммуникативных пространств.

Изучение эмпирического материала позволило сделать вывод о затруднительности выделения в большинстве случаев репертуара специализированных тактик для каждого из данных стратегических направлений, в связи с чем далее нам видится целесообразным рассмотреть общий репертуар специализированных тактик для стратегии манипулирования. Так, базисными специализированными регулятивными тактиками **стратегии манипулирования** в исследуемом публицистическом дискурсе выступают ("*Bloomberg*

Businessweek”, “*Chicago Tribune*”, “*The Guardian*”, “*The Times*”, “*Sueddeutsche Zeitung*”, “*Der Tagesspiegel*”, “*Die Presse*”, “*Bunte*”):

1) обвинение, дискредитация, критика чьих-либо действий/событий

(1) The former Yukos CEO's Kafkaesque trial, conviction and banishment to the gulag have been accompanied by the rise of a corrupt cadre of state officials who have reshaped the country's politics and quietly generated enormous personal wealth.//

President Dmitry Medvedev has a real challenge before him if he aspires to shift Russia from hubris and antagonism to restraint and cooperation. Warm words and a few large business deals will not mollify the world's now-entrenched worries about Russian state institutions and the officials running them.//

Until Russia has a government that is accountable to its citizens, no company or individual will be safe here.//

(2) Ich glaube, Russland hat von langer Hand auf dieses Ziel hingearbeitet und nur darauf gewartet, dass Georgiens Präsident Saakaschwili den ersten Fehler macht. Moskau brauchte einen Auslöser. Es bedeutet, dass Russland auf dem Kaukasus wieder präsent ist und seine Position in dieser rohstoffreichen Region stärken will. Ministerpräsident Putin macht ernst und dem Westen soll eine Grenze aufgezeigt werden. Mich erinnert die Situation stark an die Kuba-Krise: Damals hat Präsident Kennedy der Sowjetunion gezeigt: "Keinen Millimeter weiter". Das Gleiche macht Russland jetzt mit dem Westen.//

Äh, Med ..., Medwedowa, was auch immer. “ Dass Hillary Clinton, die sonst fast alles weiß, den Namen des nächsten russischen Präsidenten nicht kannte, ist vielleicht verzeihlich. Denn niemand kennt Dmitri Medwedew. Er musste sich nicht mit lästigen Vorwahlen herumschlagen, er ist nicht durch den Schnee von Sibirien gestapft und hat laut „Veränderung ist möglich“ gerufen. Aber in Russland wird ja auch nicht gewählt, in Russland werden Stimmen ausgezählt, und das Ergebnis lautet: Dieser „Was auch immer“ ist nun russischer Präsident. Wer er ist, wird sich zeigen, ob eine Marionette oder ein Mann, der, ähnlich unterschätzt wie Putin vor acht Jahren, die große Macht klug für sich zu nutzen versteht.

2) оспаривание, несогласие

(1) In 2000, BP attempted to rebrand itself with the slogan "beyond petroleum." These days the company is scrambling to get "beyond Putin."

(2) Wenn Medwedew die Wahl hat, sollte er, der Erbe Putins, dieses zweifelhafte Erbe ausschlagen: die Kursk, die Korruption, der Krieg in Tschetschenien, die gelenkte Demokratie, die Politik mit dem Gasrohr, der

nostalgische Blick zurück. Medwedew, sagt der Schriftsteller Viktor Jerofejew zu Recht, sei „die letzte Hoffnung“ Russlands.

Aber hat Medwedew überhaupt die Wahl? Der Einzige, der derzeit in Russland wählen darf, heißt Putin, der designierte Premier.

3) ирония, юмор

(1) Vladimir Putin has called on some of his richest comrades (love those natural resources) to help return the motherland to world dominance. Among the most patriotic....//

Being the wealthy head of Gazprom Export, an arm of the state-controlled natural-gas giant, wasn't enough for Alexander Medvedev. He's now also president of the new Russian Continental Hockey League. Beware, N.H.L., he drives a hard bargain. In 2006, in an effort to extract higher prices from Ukraine, Gazprom turned off the country's gas line — in the dead of winter.

(2) Nicht umsonst kursieren in Russland Witze über „Dima“ und „Wolodja“, in denen die beiden vergessen haben, wer denn nun das Staatsoberhaupt ist. „Dima, bist du heute Präsident?“, fragt Putin Medwedjew. „Nein, du.“ „Dann geh gefälligst Kaffee kochen.“

4) оценивание, сравнение, стереотипизация

(1) The day after our election, President Dmitri Medvedev of Russia, speaking for Vladimir Putin, gave a Gucci-loafer version of Premier Nikita Krushchev's shoe-heel-on-the-podium rant of a half-century ago.

(2) Putins Problem ist, dass er regieren will wie Stalin, aber leben wie Abramowitsch, der Multi-Milliardär und Eigner des FC Chelsea.//

Kein Wunder, dass ganz Russland beim Thema Politik lieber zu Hause hinterm Ofen sitzen bleibt.

Важно подчеркнуть тот факт, что регулятивные стратегии публицистического дискурса политической тематической направленности – информирования и манипулирования – редко существуют «в чистом виде». Границы стратегических линий не всегда четко прослеживаются. Взаимопроникновение и слияние регулятивных стратегий является характерной особенностью исследуемого типа дискурса, поэтому достаточно часто мы можем наблюдать смену **информирующей стратегии на манипулирующую**. Доминирующей при этом все равно остается информирующая стратегия (функция средств массовой информации как института в первую очередь предполагает информирование читателей о происходящих событиях), а использование специализированных и неспециализированных тактик, характерных и для информирующей, и для манипулирующей регулятивных стратегий, дает возможность журналисту сформировать линию поведения читателя и направить в

соответствующее мыслительное русло массовое сознание аудитории после ознакомления с текстовым произведением.

На примере нижеприведенных отрывков из англо- и немецкоязычных СМИ, посвященных вопросам государственной деятельности «диады: Путин – Медведев» мы можем заметить характерную смену информирующей стратегии на стратегию манипулирования, когда, в частности, авторы статей в публикациях, посвященных государственному визиту Д.Медведева во Францию (1) и Израиль (2), информируя читателя о данном событии, фактически сразу же (в немецкоязычном СМИ) и ближе к логическому концу статьи, через историческую ретроспективу (в англоязычном СМИ) применяют тактику акцентирования и уводят внимание реципиента на раннюю аналогичную деятельность В.Путина, дополняя ее тактиками комментирования, разъяснения, иллюстрации, приведения примеров, оценки и др., подчеркивая значительность ранее достигнутых договоренностей, установленных отношений и уже некоторую формальность текущих отношений двух государств, противопоставляя политический вес и значимость Д. Медведева и В. Путина:

(1) *Russian President Dmitri Medvedev arrived in Paris on Monday for a three-day visit and to launch a new strategic partnership with France. The new Franco-Russian embrace is marked by major arms sales, a space deal, lucrative energy contracts and greater market access—all under the banner of a blossoming personal relationship between President Nicolas Sarkozy and Medvedev. / ...The historical connection between France and Russia dates back before World War I.../ There may be an internal Russian political angle to the visit as well. Medvedev may be jealous of his mentor and ex-boss Russian Premier Vladimir Putin in pursuing a close relationship with Sarkozy. Putin has strong ties with Italian Premier Silvio Berlusconi and was close to the German Chancellor Gerhard Schröder and French President Jacques Chirac when the two were in office. Until now, personal relationships and lucrative business deals were reserved to Putin. ... (Cohen A., Graham O. Medvedev-Sarkozy Honeymoon: At What Price?, «The Heritage Foundation Magazine” 03.04.2010).*

(2) *Mitte Januar wird der russische Präsident Medwedew zu einem Staatsbesuch in Israel erwartet. Das ist nicht der erste offizielle russische Besuch. Schon Putin kam 2005 als Präsident nach Israel, und israelische Ministerpräsidenten wurden mehrmals in Moskau empfangen... Als Putin seine Visite ansagte, stellte man sich die Frage, ob es nun vorbei wäre mit Russlands Distanzierung vom Nahen Osten (nach Jahrzehnten aggressiver sowjetischer Einmischung in die Region). Zählt Russland doch mit den Vereinten Nationen, den USA und der Europäischen Union zum*

Nahostquartett, wobei es sich in dieser Rolle aber äußert passiv verhalten hat.

Der Besuch Putins schien daran nichts geändert zu haben. Hinter den Kulissen haben sich die Dinge jedoch entwickelt. Die bilateralen Beziehungen zwischen Russland und Israel haben eine große Bedeutung gewonnen und dies nicht nur im wirtschaftlichen Bereich. Die politische Atmosphäre hat sich versachlicht, wenn man auch nicht viel darüber spricht... (Primor A. Was will Medwedew?, "Frankfurter Rundschau", 28.12.2010)

Таким образом, можно заключить, что динамика роста пика регулятивности в публицистическом тексте политической тематической направленности наблюдается от стратегического инструментария к реализующим его соответствующим специализированным тактикам, и усиливающим регулятивное воздействие – неспециализированным тактикам, а также комбинации стратегий и тактик. В связи с этим наиболее эффективным и успешным способом реализации регулятивных стратегий в публицистическом дискурсе политической направленности следует признать комбинирование названных выше регулятивных стратегий и специализированных тактик, а также комбинирования базовых и вспомогательных тактик, предоставляющих более высокую степень тактической свободы автору текста для их языкового выражения с помощью лингвистических средств, механизмов и универсалий.

Рассмотрим также примеры объективизации **неспециализированных тактик**, зафиксированных нами как наиболее частотных в текстах СМИ, - апелляции к авторитету, приведения примера и интриги (*"The Guardian", "The Wall Street Journal", "Toronto Sun", "The Washington Post", "Die Welt", "Handelsblatt", "Frankfurter Rundschau"*):

апелляция к авторитету

(1) Mr. Summers, the outgoing director of the White House National Economic Council, said he was "hopeful" that Russia's WTO accession would be completed well before 12 months have passed. .../ "We have been in the red zone for some time, and now it's first and goal," Mr. Summers said, using American football jargon to indicate a situation where a team is close to scoring.

(2) Ach, Herr Rogosin, nun einmal ehrlich, was soll das? Sind all diese Ausfälle nicht bloß rhetorischer Punkrock, um Russland Gehör zu verschaffen in europäischen Salons?

приведение примера

(1) After his cronies' takeover attempt of steel and coal giant Mechel was rebuffed, Mr. Putin's public outburst of criticism in late July was enough to destroy the company's market value.

(2) Kottenew, der Mann mit den eleganten Umgangsformen, ist aus anderem Holz. Er hat es zu seiner Mission erklärt, das Image Russlands in Deutschland zu drehen. Denn, so beklagte sich der 51-jährige Diplomat jüngst in einer bekannten Zeitschrift: Die Deutschen wüssten noch immer wenig über seine Heimat. Sie glaubten, Russland sei ein riesiges Land, in dem Bären leben und alle Menschen Wodka trinken, sie pflegten nach wie vor nur ihre Klischees.

интрига

(1) The widow of Alexander Litvinenko, the former Russian spy who was poisoned with a radioactive isotope in 2006, appeared at the high court in London today to dismiss as "propaganda" claims that her husband's billionaire friend and benefactor was behind the murder. Marina Litvinenko also accused the Russian authorities of keeping her "in limbo" by obstructing the investigation into her husband's death as she appeared as a witness for the Russian oligarch Boris Berezovsky in his libel battle with a man called Vladimir Terluk.

(2) Peinlicher Fehler oder Absicht? Russlands früherer Staatschef Putin klebt jedenfalls an seinem alten Präsidentensessel. Statt seinem Nachfolger Medwedew den Vorsitz zu überlassen, nahm er wie gewohnt im Kreml Platz.

Как свидетельствуют результаты нашего эмпирического исследования, что характерно видно на основе приведенного выше примерного ряда, в настоящее время в англо- и немецкоязычном газетно-журнальном публицистическом дискурсе чаще всего фиксируется многоаспектное воздействие на читателя, то есть регулятивность имеет комплексный характер. Сравнительный анализ перечисленных регулятивных стратегий публицистического дискурса показывает, что набор реализующих их регулятивных тактик в англо- и немецкоязычных СМИ в основном совпадает. Отличие состоит, прежде всего, в частотности их применения. Вместе с тем в ряде случаев можно говорить и о своеобразной доминанте регулятивности. Так, в англоязычных текстах мы можем говорить о доминанте регулятивных тактик, репрезентирующих, в первую очередь, акцентирование внимания и дискредитацию, а затем сообщение, разъяснение, оценивание и критику, в то время как в немецком публицистическом дискурсе следует говорить об их направленности на акцентирование внимания, и затем на оценивание, и в равной степени – на разъяснение, сообщение и дискредитацию. Следует также

отметить, что в исследованных немецкоязычных и англоязычных текстах нами отмечено практически полное отсутствие тактик, репрезентирующих провокацию, призыв, обобщение, перевоплощение.

В результате, сравнивая публицистический дискурс в немецкоязычной и англоязычной культурах, мы полагаем возможным констатировать, что различия в использовании регулятивных тактик базируются здесь лишь на разнице в структуре самого языка. Доминирование определенных стратегий и тактик, а также соотношение и частотность их употребления, в принципе, являются сходными ввиду того, что информационный жанр имеет стабильную, предсказуемую общую структуру, несмотря на наличие вариаций в зависимости от политики редакции, страны, а также культурных и социально-психологических ориентиров.

Так, нами было замечено, что для англоязычных СМИ в настоящее время характерна более выраженная манипулятивность и политизированность, в то время как немецкоязычные СМИ – при несомненном весе политических и культурологических факторов при передаче событий отличается более высокая социальная обусловленность, демократичность при подаче событий. Кроме того, можно отметить большую схожесть отражаемых в дискурсе событий с социальными и идеологическими установками немецкоязычных реципиентов, по сравнению с англоязычными читателями.

Англоязычные авторы, в отличие от немецких, более твердо и эксплицитно отстаивают свою позицию, апеллируют к чувствам читателей, что особенно ярко выражается в репрезентации тактики самопрезентации, «я-линии». Судя по специфичным для немецких текстов регулятивным тактикам (такими являются среди прочих тактики разъяснения, комментирования, предположения и др.), немецкоязычные журналисты более активно пытаются оперировать многочисленными фактами, разобраться в обстоятельствах излагаемых событий, объяснить их, определить причины, мотивы и найти и предложить приемлемый выход из сложившейся ситуации.

Авторы англоязычного публицистического дискурса чаще используют содержащие в себе эмоциональный компонент регулятивные тактики, в том числе тактику оценки. Данными авторами более эмоционально отстаивается правота, даже если с позиции закона и морали излагаемых в дискурсе событий со всей очевидностью противоречат нормам. Однако это воздействие не максимально сильно по причине особых психологических качеств реципиента (если призыв будет слишком навязчивым, скорее всего, это оттолкнет читателя).

Использование немецкоязычными авторами публицистического дискурса тактики более мягкой иронии, юмора, в отличие от англоязычных авторов, доказывает их расположенность к созданию дружеско-фамильярной демократической тональности публицистических текстовых произведений. Англоязычные же авторы сохраняют большую дистанцию в регулятивном общении с читателем. Следует выделить и тот факт, что современный англоязычный публицистический дискурс характеризуется и более свободным, разговорным стилем изложения, что накладывает соответствующий отпечаток на репрезентацию регулятивной деятельности в его контексте, активизируя интенсивное развитие ее вариативности. В свою очередь, возрастающая вариативность регулятивной маркированности современного публицистического дискурса обуславливает необходимость регулярной актуализации научного изучения механизмов «кодирования» публицистической информации с целью повышения эффективности процесса коммуникации.

Список литературы:

1. Бейлинсон Л.С. Функции институционального дискурса// Вестник Иркутского Государственного лингвистического университета. Серия: филология. – 2009. - № 3 (7) - С. 142-147.
2. Карасик В.И. О типах дискурса// Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. - Волгоград: Перемена, 2000. - С. 5-20.
3. Негрышев А.А. Информирование или воздействие? (о некоторых композиционных особенностях новостного газетного текста)// Язык. Человек. Общество / Межд. сб. научн. трудов. (к 60-летию профессора В.Т. Малыгина). Отв.ред. Н.В. Юдина. - СПб.; Владимир, 2005. - С. 101-109.
4. Черепанова Л.Л. Дискурс региональных СМИ: психолингвистический аспект: Автореф. дисс... канд. филолог. наук. – Пермь, 2007. – 24 с.
5. Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие / Под. ред. М.Н. Володиной. - М.: Изд-во МГУ, 2003. – 760 с.

КОНТРАСТ КАК ОСНОВА СЛОВЕСНОГО ПОРТРЕТА ПЕРСОНАЖА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ)

Цветкова Анна Николаевна

*старший преподаватель, Вологодский Государственный
Педагогический Университет, г. Вологда*

E-mail: skoanna@yandex.ru

Существующие расхождения во взглядах на определение текста во многом зависят от поставленных различными исследователями целей его определения. Одним из самых обобщенных взглядов на текст в современной лингвистике является представление о тексте или дискурсе в целом как непрерывном и связном речевом потоке, большем чем предложение [11, с. 25].

Рассматривая текст как единицу языка – языковой элемент, находящийся в иерархических отношениях с другими языковыми элементами, М.Я. Блох в 1985 году вводит понятие диктемы как единицы, лежащей ниже уровня текста, и выше уровня предложений. Диктема есть минимальная единица текста, в которой реализуются все функции языка – номинация, предикация, стилизация, и, принципиально отличающая диктему от существующего понятия сверхфразового единства, тематизация. Диктема, как составная часть структуры текста, выделяется своей четкой функцией, не сводимой к функциям нижележащих единиц, но вбирающей их в себя в рамках собственного, интегративно-текстового назначения выражать определенную тему [2, с. 64]. Итак, текст как продукт речевой деятельности говорящего распадается на элементарные ситуативно-тематические единицы-диктемы, реализующие языковые функции всех единиц нижележащих языковых уровней (от фонемы до предложения), формирует некий комплекс информационного воздействия на читателя, согласно «когнитивно-коммуникативному содержанию своих составляющих, отражающих действие соответствующих парадигматических подсистем языка» [2, с. 66].

Художественная речь является образным переложением автором предметов объективной реальности, в которой все содержание является образным, или выдуманным. Речевой образ – есть словесное отражение предмета или явления, которое интенсивно воздействует на сферу чувств читателя (слушателя, зрителя) [3, с. 3]. Цель художественного текста состоит в возбуждении эстетического чувства его потребителя. Задача использования языковых средств писателем

заключается в лепке образа, будь то образ персонажа или любого предмета и явления, преломленного авторским воображением в составной элемент его произведения [2, с. 66].

Образность как общее свойство текста художественной литературы может трактоваться как некая упорядоченная структура, состоящая из образов героев, явлений, предметов как элементарных единиц. Соответственно, каждый элемент в такой структуре должен обладать некими определяющими характеристиками как его обязательными свойствами.

Образ как речемыслительная категория имеет двоякую сущность: как знак, он обладает неким содержанием и неким воплощением, которое можно рассматривать как языковую форму в каждом конкретном случае. Преимущественно по этим двум направлениям и рождаются определения образа как понятия литературоведческого и понятия лингвистического. В своем исследовании Борисова Е.Б. формулирует определение образа, который объединяет оба подхода, восполняя этот пробел. Литературный образ – это конкретная и в то же время обобщающая картина бытия, отражающая в той или иной мере восприятие художника слова, созданная им при помощи вербальных средств и художественно-композиционных приемов и имеющая эстетическое значение [5, с. 10]. При создании образа не только изобразительно-выразительные средства, т.е. тропы и фигуры речи, но и языковые единицы различных уровней (слово-словосочетание – предложение – диктема) реализуют двойственность своей природы и передают/кодируют основное содержание (фабулу), но и метасодержание (создают художественную действительность и эмоционально-эстетическое воздействие на читателя).

Одним из основных источников возникновения образа являются зрительное восприятие как физическая основа возникновения ощущения. Именно зрительные образы служат источником возникновения попыток их передачи в языке, порождая образы в художественной литературе. Зрительный образ есть непосредственная визуализация описательных характеристик персонажа, предмета, явления, переданного в художественном тексте в виде образа языкового.

Структура образа героя/предмета не поддается четкому определению в силу вариативности в каждом конкретном случае реализации в тексте и зависит от идеостиля автора. Однако, многие исследователи склоняются к выделению неких общих «слоев» в языковом воплощении образа в любом тексте – так, абсолютной

величиной, входящей в состав «формулы» художественного образа будет являться словесный портрет, под которым понимается внешнее портретное описание персонажа, *вербальное и невербальное поведение* других действующих лиц как источник характеристики персонажей, *номинативные цепочки имен-обозначений* персонажей. По мнению Е.А. Гончаровой, для получения целостных образов персонажей необходимо в совокупности изучить все вышеуказанные компоненты. Немаловажным в создании образа героя также являются *пространственно-временные* параметры текста [1, с. 45; 6, с. 299-300].

В основе сюжетов подавляющего большинства сказок лежит противостояние сил добра и зла. Образная структура текста состоит из взаимопротивопоставленных элементов, на всевозможных вариантах взаимодействия которых и реализуется идейно-сюжетная композиция текста. Семантика данного противопоставления строится на текстовой реалии контраста, привлекающей внимание читателя импрессивностью противопоставлений образов и сюжетных линий. Следовательно, контраст как принцип построения художественного текста занимает в сказочном тексте особое место и является семантическим стержнем сказки как литературного жанра.

Рассмотрим лингвистические характеристики контраста как принципа текстоорганизации. Контраст – это выразительное противопоставление, которое реализуется через соположение представлений, отличающееся противоположностью их признаков [9, с. 20]. Контраст – понятие семантическое, реализующееся в образной структуре текста в диктете или в нескольких диктетах, объединенных единым тематическим стержнем. «Контраст, как выразительное противопоставление является эстетической категорией, охватывающей все виды искусства: литературу, театр, кино, живопись, музыку, архитектуру и так далее, и вместе с ними весь спектр художественной деятельности» [4, с. 7]. Выразительное противопоставление может быть представлено в пространстве текста как на лексическом уровне, так и на синтаксическом, возможно и контактное расположение его элементов, и дистантное.

Словесный портрет понимается как одно из средств создания образа, в узком смысле понимается дескриптивная цепочка, в языковом выражении «непрерывная описательная цепочка, объемом в одно предложение и более» [8, с. 5]. В широком смысле – вся совокупность дескриптивных цепочек, относящихся к описанию какого-либо персонажа. Дескриптивная цепочка может иллюстрировать компактный по своей структуре «внешний» портрет,

или рассредоточенный. Компактное портретное описание, как правило, представляет собой *квалитативный* портрет, представляющий собой развернутое и подробное описание, дается он от лица повествователя, заинтересованного характерностью вида портретируемого представителя какой-нибудь социальной общности [7, с. 248]. Наличие описания, рассредоточенного в тексте, свидетельствует об эволюции образа. Выделяется также портрет психологический, где преобладают черты внешности, свидетельствующие о свойствах характера и внутреннего мира [10, с. 303]. Рассмотрим пример из текста сказки “The Rose Tree”

*“There was once upon a time a **good** man who had two children: a girl by a first wife and a boy by the second. The girl was as white as milk, and her lips were like cherries. Her hair was like golden silk, and it hung to the ground. Her brother **loved** her dearly, but her **wicked** stepmother **hated** her.”* Словесная характеристика персонажей, представленная в зачине текста, является описанием внешности *“as white as milk, like cherries, like golden silk”* и задает первичные характеристики для восприятия персонажей *“good”, “wicked”, “loved”, “hated”*. Инициальная диктема текста, или зачин, вводит противоречие персонажей как основу будущего развития образно-композиционной структуры сказки в соответствии с контрастным противопоставлением; противопоставление представлено внутри нее тематически, стилистически (антитеза, параллельные конструкции, ритм), номинативно и предикативно. Единственная портретная характеристика задана описанием внешности девочки, которая не расширяется на протяжении всей сказки. Все остальные образы персонажей представлены минимальным набором характеристик, основанных на противоположности героев положительных героям отрицательным на основе их действий в развитии сюжета. Такой минимализм в описании присущ народной сказке как тексту сюжетному, где образная структура раскрывается через композиционные особенности и особенности контекста. Так, ассоциативное поле слова *“good”* позволяет добавить к нему какое угодно количество положительных характеристик, исходя из функционирования персонажа в рамках идейно-сюжетного развертывания текстового единства, складывающегося из сочетания тематически объединенных диктем.

Рассмотрим другой пример, где характеристика *“good”* замещает другие портретные характеристики полностью: *“Tommy Grimes was sometimes a **good** boy, and sometimes a **bad** boy; and when he was a **bad** boy, he was a very **bad** boy. Now his mother used to say to him:*

'Tommy, Tommy, be a good boy, and don't go out of the street, or else Mr. Miacca will take you. But still he was a bad boy he would go out of the street; and one day, sure enough, he had scarcely got round the corner, when Mr. Miacca did catch him and popped him into a bag upside down, and took him off to his house. ' ("Mr Miacca") Предложенный пример представляет собой инициальную диктему, все описание персонажа главного персонажа сказки сводится к одной антонимичной паре "good/bad". Дальнейшие выводы о характеристике персонажа позволяет сделать его поведение в рамках заданной ситуации, судить о котором позволяет также противопоставление двух предложений; так "*be a good boy, and don't go out of the street*" противопоставлено "*was a bad boy, he would go out of the street*", где противоположность усиливается на уровне предикации и становится стилистически окрашенным в силу параллельного расположения конструкций в тексте. Минимальное описание порождает углубление контекста и создает контраст, на котором строится вся система образов текста.

Рассмотрим следующий пример, который продемонстрирует развитие образа главного персонажа в тексте: "*So off Tommy pelted, and right glad he was to get off so cheap; and for many a long day he was as good as good could be, and never went round the corner of the street. But he couldn't always be good; and one day he went round the corner, and as luck would have it, he hadn't scarcely got round it when Mr. Miacca grabbed him up, popped him in his bag, and took him home.*" (Mr. Miacca) Данная диктема тематически представляет собой переломный момент в развитии сказочного сюжета, стилистически, номинативно и предикативно организована по принципу контраста. В описании персонажа не прибавляется новых красок, но повтор характеристики "good", противопоставленной подразумеваемой, но не присутствующей в выраженной языковой форме контрастной единице "bad", порождает большую глубину контекста, делая каждое следующее повторении "good" образно-стилистической характеристикой, создающей в понимании читателя целостный образ. Наличие противоположных пар "one day/never", "always/scarcely" усиливает значение противоположности в параллельных синтаксических повторах, усиленных повторами "went round the corner". Таким образом, контраст порождается подтекстом, создающим дополнительные коннотации в восприятии образа читателем даже при минимальном наличии описаний.

Итак, рассматривая словесный портрет как основной структурный элемент образа персонажа сказки народной, мы исследовали его языковое выражение в рамках диктемы, минимальной

единицы текста, выполняющей все функции языка. Несмотря на ограниченность описательных характеристик, образно-композиционные особенности текста сказки позволяют ей создавать яркие образы персонажей благодаря особенностям реализации принципа контраста как инструмента организации подтекста. Образная структура текста с самого зачина располагается в противоположности относительно двух основных осей сюжета – добра и зла; что является одной из базовых семантических характеристик сказки народной.

Список литературы:

1. Бахтин М.М. Автор и герой : к философским основам гуманитарных наук / М.М. Бахтин. СПб. : Азбука, 2000. - 336 с.
2. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка, Вопросы языкознания, 2000, № 4, с. 56- 67.
3. Блох, М.Я. Асратян, З.Д. Коммуникативное воздействие высказывания. // Мост (язык и культура), Набережные Челны, Нижний Новгород, 1996, №1 – с. 1-5.
4. Блох М.Я., Мартынова О.П. Контраст как выразительное противопоставление в художественном отображении мира // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики. Сборник научных трудов к 60-летию ф-та иностр. языков МПГУ. Выпуск 7. – М.: Прометей МПГУ, 2008. – 184 с.
5. Борисова Е.Б. Художественный образ в английской литературе XX века: типология – лингвопоэтика – перевод: автореф. дис. докт. филол. наук. – Самара, 2010. – 44 с.
6. Гончарова Е.А. Категории автор персонаж и их лингвостилистическое выражение в структуре художественного текста : (на материале немецкоязычной прозы) : дисс. . докт. филол. наук - Л, 1989. – 514 с.
7. Гончарова Е.А. Шишкина И.П. Интерпретация текста. Немецкий язык. Высшая школа Учебное пособие 2005 - с. 368
8. Мальцева О.А. Лингвостилистические особенности словесного художественного портрета в современном английском романе : автореф. дисс. . канд. филол. наук - Л., 1986.- 16 с.
9. Мартынова О.П. Контраст как семантико-функциональная основа художественного текста: дисс. канд. филол. наук - Москва, 2006 – 175 с.
10. Юркина Л.А. Портрет // Введение в литературоведение: литературное произведение : основные понятия и термины :

учеб. пособие. / Л.В. Чернец и др. ; Под ред. Л.В. Чернец. М. :
Высшая школа, 1999. - С. 296-308

11. Crystal D. 1992 – The Cambridge Encyclopedia of Language. Cambridge, 1992 – 506 с.
12. Joseph Jacobs English Fairy Tales. G. P. Putnam’s sons, New York, third edition, revised. 1900 – 277 с.

СЕКЦИЯ 4. РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ БИБЛЕИЗМОВ В ИСПАНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ

Присяжнюк Ирина Анатольевна

*преподаватель Киевского университета имени Бориса Гринченка,
г. Киев, Украина*

E-mail: K_rapk_a07@ukr.net

Становление христианства сопровождалось развитием христианской культуры, которая сыграла весомую роль в общественно-политическом и культурно-историческом развитии многих стран мира. Христианское мировоззрение разделяет материальную культуру, в условиях которой проходит наша земная жизнь, и духовную культуру с такими понятиями как свобода, равенство, совесть, вера, грех, святость, дух, истина и др. Материальная культура создает такие потребности у людей, которые предусматривают познание человеком реального мира, природы, а результаты познавательной деятельности требуют именования, обозначения для процесса коммуникации, закрепления в памяти следующих поколений.

Именно поэтому Библия и библеизмы являются интересными объектами исследования для ученых разных направлений: лингвистов, философов, литературоведов, историков и др. В частности шотландский ученый Дж. Дж. Фрэнгер пытался объяснить некоторые темные места Старого Завета, вовлекая в свои исследования более масштабный этнографический и фольклорный материал, такой как аналогичные библейские мотивы и сюжеты в верованиях и обрядах древних и новых народов, осветив при этом их сравнительно-этнографические данные [4].

За время «коммуникативной обработки» наиболее распространенные библеизмы органически вплелись в состав многих языков, в том числе и испанского, потеряв частично или полностью связь с первоисточником и приобрели новые оттенки, используясь для обозначения обыденных, приземленных вещей. В процессе идентификации библеизмов носители языка не всегда связывают их со Священным Писанием, при этом они могут превращаться в слова с нейтральным значением или ироническим, бранным. Так, выражение ¡voto a cristo!, которое связано с именем Сына Божьего означает «Проклятье! Черт побери!»

Исследователь проблемы десакрализации библеизмов в романских языках В.Г. Гак различает две степени этого процесса:

- потерю семы (+), которая отображает принадлежность слова к высокому библейскому стилю, и обретение библеизмом нейтрального значения;
- приобретение негативной семы (-), когда слово религиозного происхождения используется в просторечии, ироничном или бранном значении.

Кроме этого, Гак определяет три структурные типы, в которых проявляется десакрализация данного лексического класса: смена значения самой лексемы, в искажении и употреблении паремиологических (ПЕ) и фразеологических единиц (ФЕ). В данной статье будет рассмотрено соотношение двух фрагментов языковой картины, которые дают разные интерпретации одних понятий – религиозный и фольклорный [10].

В испанском языке достаточно распространены ПЕ, которые обозначают библейских персонажей, и еще больше персонажей, связанных с религиозной тематикой. Испанская языковая сознательность по-своему обрабатывает понятия связанные с религией, имена святых, библейские и церковные реалии, выделяя в них собственные префразеологические аспекты. Например, с именем Христа могут ассоциироваться представления о человеке, который плохо выглядит, неряха, а также покрыт кровотоочивыми ранами, синяками, царапинами: *Estar hecho un Cristo/un nazareno* (букв. быть похожим на Христа/назарянина). Представления такого типа не столько связаны с евангельскими сюжетами, сколько с изображением изнеможенного, истекающего кровью, еле прикрытого рваной одеждой Христа во время процессий Святой (Страстной) недели (*La Semana Santa*). С этим же именем соотносится позитивная характеристика «храбрый человек» в паремии «*Ser un hombre de Dios es Cristo*» (букв. быть человеком, который утверждает, что Бог есть Иисус). Она связана с экстралингвистическими факторами, а именно с теологическим спором на Никийском соборе 325 г. посвященному выяснению происхождения Христа: божественного или человеческого [1]. Кроме этого *Cristo* имеет ряд значений и фигурирует во многих ФЕ, среди которых *sacar el cristo* – пускать в ход последний козырь (букв. достать Христа), *estar sin cristo* – быть без гроша (букв. быть без Христа), *ni por un cristo* – ни за что в мире (букв. ни для одного Христа), *como a un (santo) cristo un par de pistolas* – как корове седло (букв. как Христу пистолеты), *donde cristo dio las tres*

voces – куда Макар телят не гонял (букв. где Христос три раза прокричал).

Слово Jesús (Иисус) имеет переносное значение кувшина для вина и воды (при богослужении). Кроме этого оно входит в состав многих восклицаний: ¡(ay) Jesús!(букв. О, Иисус); ¡Jesús, Dios mío!(букв. Иисусе, Боже мой); ¡Jesús, María y José!(букв. Иисус, Мария и Иосиф) – Боже мой! Боже праведный! Слава Богу!

Как показано в интерпретации библеизмов могут наблюдаться особенности национального мировоззрения: разные языки по-разному овладевают общей культурно-исторической информацией о денотатах интернациональных библейских имен. Так, например, имя библейского проповедника Иеговы ассоциируется в русском языковом пространстве с бедностью или образом невинного страдальца, в то время как в испанской языковой картине на первом месте терпение, которое помогло преодолеть все испытания и снова обрести милость Бога: más paciente que Job (букв. терпеливее, чем Иегова). Мария Магдалена в испанском языке отождествляется с неутешным оплакиванием Иисуса Христа и обозначает человека, который много плачет: llorar como una Magdalena (букв. плакать как Магдалена), ser/parecer/estar hecho una Magdalena (быть/казаться Магдаленой).

В том же библейском контексте Caín (Каин) обозначает первенца Адама, который убил собственного брата по имени Abel (Авель) и тем самым типизирует образы «el envidioso» (завистник) и «el asesino fratricida» (брatоубийца). Кроме этого, имена обоих братьев употребляется в ироническом контексте: Caín mató a Abel, y... ¡Eran hermanos! (букв. Каин убил Авеля...а они ведь были братьями!). Общая негативная оценка содержится также в следующих паремиях: más malo que Caín (букв. хуже, чем Каин), hijo de barrabás/ser un barrabás/ ser de la piel de Barrabás (букв. сын Вараввы/быть Вараввою/быть из кожи Вараввы), которые связаны с коннотативным значением имени Каина, которое стало синонимом предательства, а у имени Barrabás – разбойника, вместо которого был распят Христос.

Имя одного из библейских апостолов – Иуды, в испанском языке, как и в других, используется в основном для выражения понятия «лживого человека»: ser un Judas, ser más falso que Judas/que un Judas de plástico (букв. быть Иудой, быть лживее Иуды/Иудой из пластика). Тем не менее испанское языковое сознание выделяет еще один компонент в этом имени – «неряшливость в одежде»: paseser/estar hecho un Judas (букв. быть похожим на Иуду). К данному имени можно применить семантический мотиватор «отталкивающий внешний вид».

Среди доисторических долгожителей-патриархов, которые преодолели все временные преграды, был Matusalén (Мафусаил). Естественно, что он есть объектом пародийной игры: *Filias de Matusalén más antiguas que Troya* (букв. Мафусаиловы увлечения еще древнее Трои). Энциклопедические знания, связанные с Мафусаилом, обуславливают параметрическую оценку интернационального характера «очень старый» как составной этической оценки в составе паремии «*ser más viejo que Matusalén*» (букв. быть старше Мафусаила), где библейский старец, проживший несколько сотень лет, усиливает понятие «старый человек».

Адам и Ева, которые согласно библейским рассказам были первыми грешниками и прародителями всего рода человеческого, выступают как символ равенства всех людей от рождения: *Las obras hazen linaje, que al fin todos somos hijos de Adán y Eva* (букв. работа разбивает людей на классы, но все мы дети Адама и Евы). Они превращают людей на классы, но все мы дети Адама и Евы). Они превращаются в предметы насмешек с огромным отклонением, которое подкрепляется инверсией сигнификата, при которой Adán (Адам) превращается в nada (ничто): *la voz nada dice Adán* (букв. голос Адама ничего не говорить). Кроме этого используется игра слов Adán/dar (давать) та Eva/haber (быть в наличии, иметься) для представления с женоненавистнической позиции ролей «дающего» (мужчины) и «получающей» (женщины) [5].

Ценность определенных собственных имен (СИ), которые входят в состав пословиц в результате исторического процесса или процесса фразеологизации, заключается в том, что значение этих антропонимов определенным образом смешивается со специфическим обозначением, и таким образом, превращается в архетип. Иными словами, лингвистический механизм проходит обобщенный простор метонимического характера, который именуется антономазией. СИ по своей природе являются индивидуализирующими знаками, и соответственно, употребление их в обобщенном смысле является прецедентным. Следовательно, будучи составной стойкого выражения, антропониму часто присваивается одна и та же характеристика, и остается неотъемлемой частью в культурном контексте.

Роль семантически стержневого компонента ФЕ или ПЕ принадлежит далеко не всем ономастическим компонентам (ОК), хотя несомненно, все они являются источником экспрессивности оборотов. В процессе фразеологизации принимает участие не сам оним, а символическое значение, которым наполняется онимическая оболочка в процессе функционирования в речи. Специфическая способность развития в семантической структуре онима апеллятивного соотношения

связана с транспозиционными процессами в системе семантических составных языкового и внеязыкового характера. Потеря связей с денотативным объектом и развитие вторичных символических значений в речи дает онимам возможность функционировать как субститутам социально-ценносных апеллятивов или обобщенно-указательных знаков с абстрактной семантикой. Символизируясь, онимы преодолевают семантическую замкнутость, приобретают ряд семантических признаков, что свидетельствует об их сближении с апеллятивами.

Решающую роль в формировании символических значений ОК играют ассоциации, которые сопровождают интенциональное понятие и экстенциональное содержание, а потом и заменяют понятие какой-то своей частью или полностью, где ОК реализовывают фразеологически связанные символические соотношения, которые генетически достигают ассоциаций, связанных с денотатами онимов.

Библеизмы принадлежат к прецедентным феноменам – основной составной когнитивной базы любого лингвокультурного сообщества. Данные явления и представления, которые стоят за ними, не только национально детерминированы, но еще и сами определяют шкалу ценностных ориентаций в обществе.

Список литературы :

1. Беленький М.С. О мифологии и философии Библии. М., "Наука", 1977. 176 с.
2. Грановская Л. М. Словарь имен и крылатых выражений из Библии. - М.: Астрель, 2010 г. 384 с.
3. Морозова О.М. Библейские сюжеты и русский фольклор // Путь в науку: Молодые ученые об актуальных проблемах социальных и гуманитарных наук. - Ростов н/Д, 2003.
4. Фрэйзер Дж. Дж. Фольклор в Ветхом завете. - 2-е изд., испр. - М.: Политиздат, 1989. – 542 с.
5. Angel Iglesias Ovejero. Figuración proverbial y nivelación en los nombres propios del refranero antiguo: figuras vulgarizadas del registro culto. *Criticón* (Toulouse), 28, 1984.
6. Carbonell Basset D. Diccionario panhispánico de refranes. Barcelona, Herder, 2002, 528 p.
7. González J.L. Refranero temático. Madrid, Edimat libros, 1998, 432 p.
8. G.Campos J., Barella A. Diccionario de refranes, Madrid, 2000.
9. Martínez Kleiser L. Refranero general ideológico español. Madrid, Real Academia Española, 1993, 782 p.

10. Res Philologia –II. Филологические исследования. Сб. ст. памяти ак. Г.В. Степанова.- Санкт-Петербург: ООО «Издательство «Петрополис», 2001 – 376 с.
11. Sevilla Muñoz J., Cantera Ortiz de Urbina J. Diccionario temático de locuciones francescas con su correspondencia española, Madrid, Gredos, 2004, 782 p.

СЕКЦИЯ 5. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОНЪЮНКТИВА В КОСВЕННОЙ РЕЧИ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ЗАМЕТОК)

Арсланова Альфия Искандаровна

ассистент каф. ин. языков УлГПУ, г. Ульяновск

E-mail: supaeva.alfia@yandex.ru

Несмотря на вековую традицию изучения наклонений, проблема конъюктива косвенной речи остается одной из спорных проблем в современной грамматике немецкого языка. Некоторые ученые исходят из структур, в которых выступает конъюнктив, другие от коммуникативного эффекта. Еще в свое время О. Бехагель отрицал модальное значение конъюктива в придаточном предложении и рассматривал его как формальное средство подчинения [4, с. 314]. Также В. Флэмиг указывает на многообразие единичных функций конъюктива и на сложность «приведения всех значений употребления конъюктива к некоторым существенным основным функциям» [5, с. 2]. Следующие авторы как Р. Ресслер и Э. Рерль в формах конъюктива I-ого в косвенной речи рассматривают дистанцированность говорящего по отношению к содержанию передаваемого высказывания. Р. Ресслер определяет понятие дистанцированность как чувство сдержанности, а Э. Рерль считает, что говорящий дистанцируется от передаваемого высказывания или при отсутствии собственного мнения, или при наличии противоположного мнения [8, с. 295; 9, с. 132].

Конъюнктив не имеет модального значения и является только грамматическим маркером косвенной речи [3, с. 71-72]. У Цифонун/Хоффман/Штрекер конъюнктив претеритальной группы применяется для сигнализации косвенности и не отличается от презентного конъюктива или индикатива в косвенной речи. Однако в определенных контекстах согласно общей семантике претерит конъюктива может выражать модальность или ирреальность [10, с. 1775].

Во всех формах косвенной речи конъюнктив I-ый (презентный конъюнктив) регулярно заменяется на конъюнктив II-ой (претеритальный конъюнктив), если конъюнктив I-ый совпадает с равнозвучащими формами индикатива. Как отмечают исследователи, презентные формы конъюктива не обладают в

косвенной речи дополнительными оттенками смысла по сравнению с формами индикатива, употребляющимися в данной позиции [2, с. 137; 6, с. 8]. Эти формы имеют общее модальное значение реальности. Формы конъюнктива I-ого и II-ого в косвенной речи противопоставлены немодально, а морфологически (замена конъюнктива I-ого на конъюнктив II-ой) или стилистически (конъюнктив I-ый как «престижная» форма письменного языка).

Как отмечает Н.П. Дронова, наибольшая частотность употребления конъюнктива имеет место в предложениях так называемой "стандартной косвенной речи" [1], т. е. в предложениях, где значение вида речи выражено в максимальной степени с помощью синтаксических и лексических средств: структурой предложения косвенной речи (особенно сложноподчиненным предложением), глаголом речи в главном предложении, значением 3-го лица сказуемых в главном и придаточном предложении.

Следует подчеркнуть, что тезис о семантической немаркированности конъюнктива в косвенной речи был впервые обоснован в отечественной германистике Т.В. Строевой и поддержан Е.В. Гульгой, Е.И. Шендельс, О.И. Москальской. Употребление конъюнктива в косвенной речи не должно восприниматься как отмежевание авторского мнения от мнения участников разговора. Косвенной речью только отодвигается непосредственное участие автора. Несмотря на определенную бессистемность в выборе форм наклонения, многие авторы попытались описать факторы, благоприятствующие реализации той или иной формы. Так, в исследовании немецкого лингвиста Г. Кауфманна сформулированы экстралингвистические факторы, регулирующие выбор форм:

1) диафазность: большинство говорящих в устном общении употребляют преимущественно конъюнктив II-ой, в письменных высказываниях – конъюнктив I-ый и II-ой; 2) диастратность: выбор наклонения зависит от принадлежности говорящего к определенному социальному слою, так «высшие» слои употребляют наряду с конъюнктивом II-ым также конъюнктив I-ый, а относящиеся к другой – исключительно конъюнктив II-ой (во второй группе, по его мнению, относятся представители «низших» слоев общества); 3) диатопичность: выбор наклонения зависит от территориальной принадлежности говорящего, от диалектных особенностей (так, в северо-немецких диалектах наклонением косвенного цитирования является конъюнктив II-ой, в диалектах, за

исключением алеманнского и близлежащих областей (юго-запада баварско-австрийского) конъюнктив I-ый вообще не употребляется) [7, с. 91-94].

Сегодня все больше внимания лингвистов привлекают медиатексты, т. е. тексты массовой информации. Материалом для исследования явились тексты информационных заметок немецких газет «Mitteldeutsche Zeitung», «Süddeutsche Zeitung», «Niederrhein Nachrichten» за 2007-2008 года. Всего анализу было подвергнуто 80 немецких газет с примерным количеством страниц 8600. В газетных информационных заметках автор часто использует косвенную речь, чтобы более эффективно подтвердить достоверность главного факта. В немецком языке благодаря наличию морфологического средства выражения косвенности высказывания – конъюктива имеется возможность четко сигнализировать о том, что передаваемая информация принадлежит другому источнику речи. Конъюнктив в косвенной речи показывает, что не сам говорящий является источником той информации, которая содержится в предложении. Из наблюдений видно, что конъюнктив употребляется в косвенной речи, выраженной как в форме подчиненного предложения, так и в форме независимого предложения. Благодаря форме конъюктива I-ого даже при отсутствии глагола речи становится ясно, что автор передает сообщение определенного лица, информационного агентства, организации.

Как показал анализ информационных заметок, употребление наклонения в косвенной речи немецкого языка зависит от следующих аспектов: 1) от структуры предложения, так в предложениях без вводящего слова (глагола речи) конъюнктив является обязательным и единственным показателем косвенной речи и служит для обозначения синтаксической зависимости; 2) от роли вводящего слова, так индикатив типичен для предложений с конструкциями *laut, zufolge, nach*; для конструкции с союзом *wie* – *Wie die Zeitung berichtet* [Как сообщает газета]; конъюнктив здесь не употребляется; 3) от области издания той или иной газеты, так в газетах *Mitteldeutsche Zeitung* (в центре Германии) и *Süddeutsche Zeitung* (юг Германии) преобладает конъюнктив, в газете *Niederrhein Nachrichten* (в районе нижнего Рейна) чаще употребляется индикатив; 4) от уровня образованности автора сообщения; конъюнктив характерен для более литературного языка, типичной формой употребления конъюктива I-ого в немецком языке является косвенная речь письменного языка, а также разговорная речь высокого стиля.

Список литературы

1. Дронова Н. П. Несобственно-косвенная речь в немецком языке (на материале источников XVI-XX вв.): автореф. дис. канд. филол. наук / Н. П. Дронова. – Калининский гос. ун-т. - Калинин, 1975. – 21с.
2. Москальская О.И. Теоретическая грамматика немецкого языка (на немецком языке) / О.И.Москальская. - М.: Высшая школа, 1975. - 385 с.
3. Askedal, John Ole: »Der deutsche Referatskonjunktiv – ein lexemdependentes oder funktional eigenständiges morphologisches Ausdrucksmittel?«. In: Vater, Heinz: (Hrsg.): Zu Tempus und Modus im Deutschen. Trier: WVT Wissenschaftlicher Verlag Trier, 1997, 70–80 S.
4. Behaghel O. Die deutsche Sprache: 5. Aufl./ O. Behaghel. – Wien: F. Freytag; Leipzig: G. Freytag, GmbH, 1911. – 381 S.
5. Flämig W. Zum Konjunktiv in der deutschen Sprache der Gegenwart. Inhalte und Gebrauchweisen / W. Flämig. - Berlin, 1965
6. Günthner S. Zwischen direkter und indirekter Rede. Formen der Redewiedergabe in Alltagsgesprächen / S.Günthner // Zeitschrift für germanistische Linguistik. Deutsche Sprache in Gegenwart und Geschichte. - 2000. - 28. - S. 1 – 22 S.
7. Kaufmann G. Das konjunktivische Bedigungsfüge im heutigen Deutsch / G. Kaufmann. – Tübingen, 2003. – 86 S.
8. Röhl E. Der Konjunktiv im heutigen Sprachgebrauch / E. Röhl // Muttersprache.- 1962.-№10
9. Rössler R. Beiträge zur funktionalen Sprachlehre. Zum Gebrauch der Konjunktive in der deutschen Sprache der Gegenwart / R. Rössler // Sprachpflege.- 1964. – H. 7.
10. Zifonun, Gisela; Hoffmann, Ludger; Strecker, Bruno: Grammatik der deutschen Sprache. Band 1–3. Berlin; New York: de Gruyter, 1997.
11. Печатные издания: «Mitteldeutsche Zeitung»: 27.08.08-12.10.08, «Niederrhein Nachrichten»: 27.12.07- 23.07.08, «Süddeutsche Zeitung»: 09.11.08-17.09.09.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ МЕЖТЕКСТОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Беляцкая Анастасия Александровна

*доцент, к. культурологии, НИМУ, докторант каф. англ. филологии,
доц. каф. иностр. языков, г. Саранск
E-mail: Sajenina@list.ru*

Типология межтекстового взаимодействия была предложена Ж. Женеттом в 1982 году в книге «Палимпсесты: литература второй степени» и оказалась плодотворной, найдя применение в качестве методологии лингвистического межтекстового анализа. Мы попытаемся вывести проблему межтекстового взаимодействия из сферы чисто лингвистической дескриптивной механики и литературоведения в область лингвокультурологии, а именно: представить лингвокультурологический комментарий к существующей в лингвистике классификации типов межтекстовых связей. Это позволит выпукло обозначить проблемный узел современной текстовой лингвокультуры – проблему интенсивного межтекстового, меязыкового и мекультурного взаимодействия и взаимопроникновения лингвокультур в тексте и наметить путь выстраивания плодотворных лингвокультурных отношений в современном текстовом пространстве. Обозначенная проблема входит в более обширную междисциплинарную область лингвокультуротворчества и считается нами фундаментальным телеологическим и аксиологическим основанием лингвокультурного взаимодействия в масштабах всего человечества.

Ж. Женетт выделяет пять основных типов межтекстовых отношений: интертекстуальность, паратекстуальность, гипертекстуальность, метатекстуальность, архитекстуальность. Рассмотрим последовательно каждый тип межтекстовой связи с точки зрения текстологической механики, предложенной Женеттом, и одновременно в соответствии с задачами нашего исследования – соотнесения межтекстовых лингвокультурных связей с степенью реализации творческих оснований лингвокультуры и ее интегративного потенциала.

1) интертекстуальность как непосредственное и явное присутствие в одном тексте двух или более различных текстов (цитата, плагиат, аллюзия); (Женетт).

Необходимо отметить, что основы понятийной базы интертекстуальности были заложены еще в 1920-е годы в трудах В.В. Виноградова, Ю.Н. Тынянова, В.М. Жирмунского, Б.М. Эйхенбаума, М.М. Бахтина и других ученых. Новый термин был впервые употреблен Ю. Кристевой в статье «Бахтин: слово, диалог и роман» (1967) и обозначал «текстуальную интеракцию, которая происходит внутри отдельного текста» [3, с. 97]. Литературоведческий аспект интертекстуальности разработан И.П. Смирновым в работе «Порождение интертекста (Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака)» (1985). Смирнов предпринимает попытку выведения логики интертекстуальности, которая состоит в реализации памяти культуры через текстовое взаимодействие [4, с. 11.]. Действительно, «интертекстуальность» выполняет функцию сохранения памяти лингвокультуры человечества и реализует культуротворческий потенциал всеобщего объединения через «проводимую», проницаемую текстовую лингвокультуру [2, с. 15].

Интертекстуальность в лингвокультурологическом ракурсе представляет собой явное присутствие иноязычного компонента другой лингвокультуры и имеет два способа осуществления в тексте:

а) Первый подтип инокультурного вкрапления на иностранном языке наблюдается в развитой или развивающейся лингвокультуре, когда инокультурное заимствование (цитата, аллюзия, отдельное слово) выполняет не смыслообразующую функцию, а «декоративную», добавочную, при котором прибавляется новый стилообразующий оттенок значения к уже существующему в родном языке денотату. При этом ядерные элементы языка – существовавшие до иноязычных заимствований эквивалентные им в принимающем языке денотаты – остаются неизменными. Такими компонентами стилообразующего характера являлись, к примеру, добавлявшиеся к уже имеющимся в русском языке обращения типа «*ma chérie*» («моя дорогая» франц. яз.) в письмах русского дворянства. Такие инокультурные «интертексты» практически всегда безразличны принимающей лингвокультуре поскольку не реализует ее творческий потенциал.

б) Другим проявлением лингвокультурного интертекста является использование иноязычного вкрапления при отсутствии эквивалента в родном языке (компьютер, медиа, бизнес и т.п.). Такие инокультурные «интертексты» уже враждебны принимающей лингвокультуре, поскольку препятствуют реализации ее творческого потенциала, т. е. не вплетаются в ткань родного языка путем

вторичной номинации. Вплетение в тексты родного языка инокультурных элементов является сегодня очень острым вопросом сохранности русского языка и культуры, их творческих и цивилизационных оснований.

2) паратекстуальность как отношение или связь текста с его частями (названием, подзаголовком, эпиграфом, примечаниями) (Женетт);

Несмотря на акцентированный Женеттом внутритекстовый характер такой межтекстуальности, она является межтекстовой в широком смысле, когда часть текста выступает как отдельный текст. Мы видим два типа текстовой репрезентации лингвокультуры:

а) Внутрикультурная межтекстовая связь (сплетение смысловых достижений определенной лингвокультуры, а именно их синхронных-горизонтальных или диахронных-вертикальных «нитей» в единый текст). При этом происходит уплотнение, упрочение существующих лингвокультурных связей в их многократной поливариантной межтекстовой актуализации.

б) Межтекстовая межкультурная связь по принципу метонимии – когда цитата, эпиграф (вербализованный смысл) более развитой лингвокультуры дает толчок к интенсивному текстообразованию – вплетению смысла (осмыслению) в текст – на родном языке другой, развивающейся лингвокультуре. Примерами могут служить многочисленные неполносюжетные заимствования из русских народных сказок в мордовский, чувашский, татарский, башкирский и т.д. фольклор. При таком лингвокультурном взаимодействии происходит донорское возвращение малочисленных развивающихся лингвокультур на ценностных основаниях более развитой лингвокультуры. Поэтому возможно заключить, что в случае метонимического лингвокультурного межтекстового взаимодействия с иноязычными лексическими заимствованиями полной творческой реализации лингвокультуры не происходит.

Однако возможен и иной сценарий. Межкультурное межтекстовое взаимодействие по принципу метонимии может быть и жизнетворным, если вторичная номинация (развернутое толкование, новое словообразование) происходит на родном языке.

3) метатекстуальность как комментирующая ссылка одного текста на другой, иными словами, соотношение текста со своими предтекстами, когда более ранний текст не может быть указан или упомянут эксплицитно (Женетт);

В отличие от первого типа межтекстовых связей (интертекстуальность), когда ино-лингвокультура эксплицитно и даже

можно сказать поверхностно, формально присутствовала в виде иноязычного неосмысленного, неязыковленного компонента, наверное обреченного на отторжение принимающей лингвокультурой, при имплицитном внутреннем межтекстовом лингвокультурном взаимодействии происходит глубинное укоренение смыслов в текстовой структуре активной творческой лингвокультуры. Такие связи устанавливаются создателем текста – писателем и прочитываются читателем при условии достаточно богатого «текстового словаря». Художественный текст при этом составляет ценностное ядро такого словаря, а владение им обеспечивает истинное обогащение лингвокультуры, реализацию ее творческих оснований.

4) гипертекстуальность как связь одного текста с другим (гипотекстом) при помощи трансформации, пародии, имитации, адаптации, продолжения и тому подобное; (Женетт).

При лингвокультурологическом осмыслении гипертекстуальности высвечивается связь лингвокультур в текстовом пространстве и во времени, актуализация проблем прошлого, встраивание смыслов прошлого в современный контекст, в результате чего происходит выстраивание нового контекстного окружения, способного изменить смысл исходного текста до прямо противоположного. Примерами могут служить американская киноверсия трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта» («Romeo and Juliet», 1996), итальянская кинопародия на роман Д. Дефо «Робинзон Крузо» («Signor Robinson», 1976). Утрата исходного контекста в современной киноверсии «Ромео и Джульетта» – понимание вечной ценности любви в отличие от мига жизни – приводит к искажению высшего смысла шекспировской трагедии, перемещенной в сферу повседневности современного поколения «Generation MTV».

5) архитектстуальность как жанровые связи текстов (Женетт).

М.М. Бахтин в своей теории речевых жанров выделяет три аспекта жанрового разнообразия текстов – тематическое содержание, стиль и композиционное построение, которые неразрывно связаны в целом высказывания [1, с. 428]. Наиболее сложными по своей жанровой структуре являются художественные и большие публицистические текстовые жанры, а межтекстовые связи, образуемые ими, наиболее глубинны, поскольку пролегают в архетипических смысловых структурах лингвокультур. Сфера архитектстуальности как сфера лингвокультурологии актуализирует тип высшего художественного общения. Среди других, вышеобозначенных межтекстовых связей лингвокультур архитектст

реализует принцип творческой телеологии текстовой деятельности человека, принцип «проницаемости инокультурных смыслов» (Г.И. Богин) и именно поэтому часто закрыт для тех, кто удаляется от источника единения в высшей человеческой сфере общения – художественного текстового творчества.

Список литературы:

1. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1986. – 506 с.
2. Богин Г. И. Проницаемость информационно-смысловой структуры текста, возникшего в рамках другого менталитета / Г.И. Богин // Актуальные проблем сопоставительного языкознания и межкультурные коммуникации. - I . – Уфа: БГУ, 1999. – С. 15 – 17.
3. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Пер. с фр. Г. К. Косикова / Ю. Кристева // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 1995. – №1. – С. 97-124.
4. Смирнов И. П. Порождение интертекста. (Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака). – СПб., 1985. – 191 с.
5. Genette G. Palimpsestes. La littérature au second degré / Gérard Genette. – Paris, 1982. – 467 p.

ГЕНДЕРНАЯ ОТНЕСЕННОСТЬ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО УРОВНЯ В ПРЕДВЫБОРНЫХ РЕЧАХ Х. КЛИНТОН И Б. ОБАМЫ

Куницына Евгения Витальевна

*соискатель, соискатель кафедры лингвистики и лингводидактики,
Ставропольский государственный университет, с. Верхнерусское,*

Ставропольский край

E-mail: evg_enia@list.ru

Многомерное, развивающееся и по-разному толкуемое исследователями понятие "гендер", стало в последней трети XX столетия центральной категорией междисциплинарной научной области знания под названием "гендерные исследования".

Основным методологическим принципом этих исследований является признание культурной обусловленности пола, его институциональности и ритуализованного характера, что и послужило

причиной возникновения самого термина гендер, призванного, в отличие от термина *sexus*, подчеркнуть социальную и культурную обусловленность феномена пола, то есть подойти к феноменам мужественность и женственность не как к неизменной природной данности, а как к динамическим, изменчивым продуктам развития человеческого общества, поддающимся социальному манипулированию и моделированию [5, с. 7].

В лингвистике же гендерное направление на данный момент имеет очень короткую историю и очень длинную предысторию. В целом, интерес лингвистов к вопросам пола и гендера обусловлен общими тенденциями современной науки, а именно – ее антропоцентрической направленностью, то есть поворотом к человеку в различных его аспектах, и образованием смежных дисциплин на стыке первоначально разных наук.

С точки зрения ряда зарубежных и отечественных исследователей, личностное имманентно самой природе языка. Так, Р.А. Будагов полагает, что: «В самом языке всегда имеется много "человеческого". И это "человеческое", столь очевидное, например, в лексике и стилистике, обнаруживает себя и в других сферах языка, в его различных и бесконечно разнообразных выразительных возможностях» [1, с. 203]. В этих условиях особую значимость приобретает тот факт, что языковая личность является самым важным компонентом дискурса, коммуникантом, детерминированным совокупностью ментальных, психических, эмоциональных, оценочных, прагматических и др. определений [4].

Дискурс, в свою очередь, рассматривается не просто как связанный текст (коммуникат), а как «сложное коммуникативное явление, которое включает в себя и социальный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации (их характеристики), так и о процессах производства и восприятия» [3, с. 13].

В нашем исследовании мы акцентируем внимание на политическом дискурсе как одном из ключевых видах институционального дискурса, ведь политика – это система человеческих отношений, осуществляемых во многом с помощью языка [2]. В центре этих отношений находится языковая личность политика, в структуре которой одним из ключевых компонентов мы выделяем гендер, определяемый как «элемент современной научной модели человека, отражающий социокультурные аспекты пола, фиксируемые языком» [5, с. 12].

Включение гендерного параметра в лингвистическое рассмотрение политического дискурса позволяет существенно

расширить представление о языке, как средстве конструирования социального мира, установить взаимосвязь между гендером и языком, что позволяет выявить отличия в восприятии реальности мужчинами и женщинами. Это, в свою очередь, открывает механизмы воздействия на мужское и женское сознание, что является одной из целей политического дискурса.

Иными словами, мы придерживаемся положения, согласно которому тексты, продуцируемые в политическом дискурсе, являются репрезентативным эмпирическим материалом для выявления гендерных представлений, характерных для конкретного социума в конкретный исторический период, а учет гендерного аспекта речевого поведения коммуникантов позволяет глубже проникнуть в женскую или мужскую картину мира, и, таким образом, полнее понять реально существующие модели вербального поведения мужчин и женщин.

Многие ученые сходятся во мнении о существовании той или иной степени дифференциации в использовании вариантов языковых средств, предпочитаемых полами. В целом, речь носителей языка гендерно маркирована на уровне выбора единиц лексикона, предпочтения тех или иных частей речи, синтаксических структур и стилистических приемов. В тоже время нельзя упускать из виду гендерную маркированность коммуникативно-прагматического уровня, который реализуется с помощью тех или иных коммуникативных стратегий и тактик.

Следует отметить, что в последние годы роль гендера не считается столь радикальной, как это было на начальном, «алармистском» этапе его становления. Гендер в настоящее время рассматривается наряду с возрастом, уровнем образования, ситуативным контекстом, как один из параметров, конструирующих социальную идентичность говорящего.

Лингвисты – гендерологи признают, что абсолютных маркеров не существует, описываемые тенденции носят скорее относительный характер (М.Д. Городникова, 1999; Т.Б. Крючкова, 1975; С.К. Табурова, 1999). Так, общеизвестны изыскания Московской школы гендерной лингвистики во главе с Аллой Владимировной Кирилиной, которая отрицает перманентное присутствие категории гендер в языке и коммуникации, а также признает гендер «плавающим» параметром, проявляющимся с неодинаковой интенсивностью вплоть до полного его исчезновения в ряде коммуникативных ситуаций [5]. Данное предположение объясняет актуальность исследования категории гендера в различных сферах коммуникации, в том числе и политическом дискурсе.

В настоящей статье мы проанализируем гендерные маркеры речевого поведения коммуникантов, которые проявляются в выборе тех или иных коммуникативных стратегий и тактик. Мы отталкиваемся от суждения, что одним из слагаемых успеха на политическом поприще является умелое использование тактик речевого поведения. Под коммуникативной стратегией мы, вслед за О.Л. Михалевой, понимаем «план оптимальной реализации коммуникативных намерений, учитывающий объективные и субъективные факторы и условия, в которых протекает акт коммуникации и которые, в свою очередь, обуславливают не только внешнюю и внутреннюю структуру текста, но и использование определенных языковых средств» [6]. Для реализации выбранной коммуникативной стратегии используется определенный набор тактик, или конкретных этапов, predetermined «интенцией говорящего», эксплицированных «совокупностью приемов, обуславливающих применение языковых средств» [там же].

В настоящей работе мы опираемся на предлагаемую О.Н. Паршиной систему классификации коммуникативных стратегий и тактик, как наиболее релевантную целям нашего исследования. В качестве основной причины, predetermined выбор речевых стратегий, исследователь называет конечную цель коммуникации, понимаемую ею как «прогнозируемое искомое, как представление о результате, который должен быть достигнут, по отношению к адресату» [7, с. 11]. Исходя из этого, лингвист выделяет следующие стратегии и реализующие их тактики: 1. стратегия самопрезентации (тактика отождествления, тактика солидаризации, тактика оппозиционирования); 2. стратегии борьбы за власть: 2.1. стратегии дискредитации и нападения (тактика обвинения, тактика оскорбления); 2.2. манипулятивная стратегия (демагогические приемы и манипулятивные тактики); 2.3. стратегия самозащиты (тактика оправдания, тактика оспаривания, тактика критики); 3. стратегия удержания власти: 3.1. информационно-интерпретационная стратегия (тактика признания существования проблемы, тактика акцентирования положительной информации, тактика разъяснения, тактика комментирования, тактика рассмотрения проблемы под новым углом зрения и тактика указания на путь решения проблемы); 3.2. стратегия формирования эмоционального настроения адресата (тактика единения, тактика обращения к эмоциям адресата, тактика учета ценностных ориентиров адресата); 4. стратегии убеждения: 4.1. аргументативная стратегия (тактика контрастивного (сопоставительного) анализа, тактика указания на перспективу, тактика обоснованных оценок,

тактика иллюстрирования); 4.2. агитационная стратегия (тактика обещания, тактика призыва).

Помимо специализированных тактик, обеспечивающих реализацию перечисленных выше стратегий, автор описывает неспецифические тактики, общие для нескольких стратегий, называя тактику акцентирования и тактику дистанцирования наиболее частотными в политическом дискурсе.

В качестве эмпирического материала мы методом случайной выборки отобрали два предвыборных выступления кандидатов на пост президента США 2008 года от демократической партии – Х. Клинтон и Б. Обамы: Н. Clinton «Remarks in Miami on expanding Pre-K» (Заметки о необходимости расширения системы яслей. Майами) и В. Obama «Remarks at Southern New Hampshire University Commencement» (Речь на церемонии вручения дипломов в Южном Нью-Хэмпширском университете). Необходимо отметить, что оба кандидата на пост президента имеют одинаковый уровень образования, что позволяет с большой долей вероятности говорить об объективности сравнительного анализа, в котором главным дифференцирующим фактором становится именно гендерная принадлежность.

Анализируемые выступления обоих претендентов на пост президента затрагивают проблему взросления, но рассмотрение проходит с разных точек зрения. Х. Клинтон доказывает необходимость изменения «общественного отношения» к системе яслей, которой в США, по ее мнению, не уделяется должного внимания. В свою очередь, Б. Обама обсуждает с выпускниками университета возможность жизненного выбора, перед которым последние сейчас стоят. Политик рассматривает на собственном примере три жизненных урока – умей сопереживать, иди на риск, проявляй упорство во всем.

Речь Х. Клинтон построена следующим образом: установление контакта, выраженное в объявлении благодарности присутствующим; постановка проблемы; разъяснение причин, почему нужно воспринимать данную проблему существенной и актуальной; приведение примеров образцовых школ; описание ныне складывающейся ситуации; внесение предложения; отсылка к собственному опыту; призыв к действию. Более того, на протяжении всей речи Х. Клинтон старается подкреплять свои слова объективными данными – будь то статистика или цитирование авторитетных личностей.

Без всякого сомнения, одной из главных задач политика является задача «понравиться народу». Поэтому в рамках

политической борьбы за власть наиболее актуальной становится проблема имиджа политического лидера. Стратегия построения имиджа – стратегия самопрезентации занимает центральное место в оказании речевого воздействия на широкие массы.

В речи Х. Клинтон проблема индивидуального и коллективного проявляется на одинаковом уровне. Так, текст содержит 69 случаев употребления местоимений *мы* и *я*. *Мы* – дискурс Х. Клинтон неразрывно связан: с образом народа; людей, с которыми она работала; аудиторией в значении «*я и вы*»; правительством и собственной семьей. Данный факт доказывает явное стремление кандидата солидизироваться с избирателями, доказать, что она «такая же, она с ними».

For thirty-five years as a lawyer and an advocate, as a friend lady and a Senator and most importantly as a Mom, I have been strongly in support of providing the tools to parents that would give parents an opportunity to recognize that they are their child's first teachers... (В течение 35 лет, будучи адвокатом, первой леди – другом, сенатором, а что более важно – мамой, я решительно поддерживала идею необходимости доказывать родителям, что они являются первыми учителями для своих детей...). В данном примере политик указывает, что, несмотря на ее заслуги в политической сфере, она все же в первую очередь, как и большинство других женщин, является мамой, для которой важна судьба ее ребенка.

We all know about the 'terrible twos' and we know about the sometimes rebellious fours... (Мы все знаем об «ужасных двухлетках» и мы знаем об «иногда бунтарствующих четырехлетках»...) Здесь тактика солидаризации подкрепляется использованием параллелизмов и, вследствие чего предложение приобретает большую эмотивную силу.

Итак, в речи Х. Клинтон стратегия самопрезентации реализуется за счет тактики солидаризации и отождествления.

Если говорить о выступлении Б. Обамы, то стратегия самопрезентации здесь представлена в некотором ином свете. Очень редки случаи тактик солидаризации и отождествления. О данном факте свидетельствуют следующие цифры: частотность употребления местоимения *мы* – 28, а местоимения *Я* – 60. Стратегия самопрезентации представлена здесь в отсылке к событиям из жизни коммуниканта (он вспоминает свои университетские годы, работу общественным организатором). Основной корпус выступления построен на манипулятивных стратегиях, включающих не только

манипулятивные тактики, но и приемы демагогии, выраженные в использовании высокопарных фраз.

We are counting on you to help fix a health care system that's leaving too many Americans sick or bankrupt or both. We are counting on you to bring this planet back from the brink by solving this crisis of global climate change. We are counting on you to help stop a genocide in Darfur that's taking the lives of innocents as we speak here today. (Мы рассчитываем, что вы поможете наладить систему здравоохранения, из-за которой многие американцы болеют, остаются банкротами или все вместе. Мы рассчитываем, что вы поможете вытащить планету из пропасти, справившись с этой проблемой глобального потепления климата. Мы рассчитываем, что вы поможете остановить геноцид в Дарфур, который уносит жизни невинных, пока мы с вами здесь беседуем). Данный отрывок очень показателен, так как здесь отражаются многие тактики, которыми «пропитана» речь Б. Обамы. Во-первых, использование местоимения *вы* позволяет политику, с одной стороны, опозиционировать себя от «молодой» аудитории выпускников, которые должны уметь принимать решения, в том числе по выбору государственной власти, с другой стороны, имплицитным образом лидер прибегает к тактике критики, которая выражается в косвенных формах оценки существующей негативной ситуации, как в стране, так и в мире. В этом пассаже четко проявляется тактика манипулирования общественным сознанием за счет нарочитого показания негативного, но в тоже время скрыто прослеживается признание возможности исправления ситуации – Б. Обама как будто говорит – выберите меня, и мы все исправим.

Если говорить о других стратегиях, то речам обоих кандидатов свойственна тактика признания существования проблемы, а также тактики разъяснения и комментирования. Примечательно, что в речи Б. Обама наблюдаем наличие как общей проблемы – взросления, так и частных – жизненных уроков. В выступлении Х. Клинтон все сосредоточено вокруг единственной проблемы – реформирования системы яслей.

Однако лишь Х. Клинтон предлагает явные пути решения проблемы, что выражается в соответствующей тактике. Ее речи присуща отсылка к достоверным источникам, приведение к точным данным. Данное обстоятельство говорит об аргументативной силе выступления. Б. Обама делает акцент на стратегии формирования эмоционального настроя, в частности апеллирует к эмоциям и ценностным ориентирам аудитории.

В заключение, отметим, что кандидаты на пост президента избирают совершенно разные пути достижения в привлечение большего круга избирателей. Б. Обама в явной форме манипулирует сознанием аудитории, призывая, хоть и в скрытой форме, проголосовать за него, при этом не предоставляя никакой программы своих действий. Х. Клинтон же, четко вырисовав проблему и доказав ее значимость, описала пути выхода из нее. Можно предположить, что дискурс Х. Клинтон можно описать как «я с вами», тогда как дискурс Б. Обамы будет выражен формулой «вы за меня». Признаем, что полученные результаты в некоторой степени расходятся с устоявшимися представлениями о гендерной маркировке речевого поведения коммуникантов.

Целесообразность маскулинного стиля проводимой Х. Клинтон предвыборной кампании обусловлена традиционной концептуализацией политики как «мужской» сферы, где нет места жалости и победу одерживает сильнейший. Это дает нам право утверждать, что ситуация, в которой реализуется коммуникация, в данном случае – предвыборная кампания, накладывает свой отпечаток на гендерную отнесенность исходного текста.

Список литературы:

1. Будагов Р.А. Введение в науку о языке: учеб. пособие / Р. А. Будагов. - М.: Просвещение, 1965. – 492 с.
2. Гаджиев К.С. Политическая наука. (Пособие для преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных факультетов). - М.: Сорос - международные отношения, 1994. – 337 с.
3. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 311 с. 13
4. Караулов Ю.Н. «Четыре кита» современной лингвистики или о предпосылках включения «языковой личности» в объект науки о языке (от содержания науки – к ее истории) // Соотношение частнонаучных методов и методологии в филологической науке: Сб. науч. трудов. – М., 1986. – С. 47.
5. Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации: учебное пособие для студ. вузов. – М.: РОССПЭН, 2004. – 252 с.
6. Михалева О.Л. Политический дискурс: способы реализации агональности [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: <http://www.rus-lang.com/about/group/mikhaleva/state2>
7. Паршина О.Н. Стратегии и тактики поведения речевого

поведения современной политической элиты России. – Астрахань: Изд-во АГТУ, 2004. – 196 с.

СООТНОШЕНИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ И НЕТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСЕМЫ

Малюкова Елена Вячеславовна

к. филол. н., АФ «ЛГУ им. А.С. Пушкина», г. Барнаул

E-mail: elektron999@mail.ru

В современном терминоведении можно выделить два основных направления. Исследования первого направления противопоставляют термин как особую единицу - слову как единице языка; терминологические подсистемы – микросистемам литературного языка, выделяя и подчеркивая все различия между терминологией и общеупотребительной лексикой. Наиболее четко это противопоставление выражено в работе А.В. Суперанской: «Нами предложено деление словарного состава любого языка на общую и специальную лексику <...> все типы специальной лексики обнаруживают много общего и могут быть противопоставлены лексике общей» и далее там же «говоря о специальной лексике, не следует привлекать понятие литературного языка» [8, с. 25-28].

Вторая позиция, с которой согласны многие лингвисты такова: терминологическая лексика является частью словарного запаса литературного языка. Носители терминологии – это носители современного русского литературного языка. Данное мнение разделяет В.П. Даниленко: «терминосистемы формируются средствами естественного литературного языка, его общелитературной формы, главным образом <...> Исследователи при всем разнообразии точек зрения на многие терминологические вопросы неизменно отмечают, что терминологическая лексика, являясь частью общелитературного языка, во многом подвержена тем же лексико-семантическим процессам, по которым развивается словарный состав литературного языка в целом» [2, с. 72-73]. У Н.З. Котеловой: « Термины это слова, и ничто языковое им не чуждо» [4, с. 124].

В.Н. Прохорова пишет: «Мы являемся убежденными сторонниками словности термина и лексичности терминологии и поэтому рассматриваем термины как слова и фразеологические

единицы литературного языка, выступающие в особой функции» [7, с. 6].

«Лексико-семантический способ образования заключается в том, что разные значения одного и того же слова превращаются в разные слова, осознающиеся как этимологически самостоятельные и зависимые, или в том, что за существующим в языке словом закрепляется значение, которое с ранее ему свойственным как производное и основное не связано» [11, с. 259].

Убедительным доказательством близости терминологии с общеупотребительной лексикой, по мнению Прохоровой, является образование и функционирование во всех терминосистемах терминов лексико-семантического образования. Лексико-семантический способ терминообразования является исконным в образовании русской специальной лексики и терминологии. Как считает В.Н. Прохорова, «именно перенос названия общеизвестного понятия на специальное, образование новых, терминологических значений, переносное употребление общерусских слов явились основным средством формирования специальной лексики древнерусского языка» [7, с. 7]. В ее работе представлено разноаспектное исследование лексико-семантического образования в русской терминологии как части общего процесса лексико-семантического образования в русском языке.

Б.Н. Головин говорит о том, что в словах общего употребления выражается, прежде всего, информация о чувственно воспринимаемых предметах и явлениях окружающей человека жизни, а также об эмоционально-волевых состояниях сознания, связанных с воздействием на него этих предметов и явлений. В терминах же на первом месте стоят логические обобщения каких-либо сторон и признаков, которые свойственны рядам, группам классам однородных по этим сторонам и признакам предметов. Эмоционально-волевая сторона сознания в этом случае отходит на второй план, отключается, хотя конечно это не означает, что слова общего обихода логически не обобщают явления и предметы мира. В этом случае они обобщены по-иному. В данном случае происходит отвлечение логики от эмоций, что помогает уточнению значения термина и одновременно делает его непригодным для выражения «образного значения».

Таким образом, на первый план в слове-термине выходит объектное значение, а субъективное либо вообще отсутствует, либо завуалировано.

Б.Н. Головин приходит к выводу, что своим объективным значением слово-термин акцентирует наше внимание «на каждом,

любом, всяком предмете одного и того же ряда, класса <...> словонетермин готово направить наше внимание на отдельный этот предмет в их ряду». Таким приемом в повседневной жизни часто пользуются писатели, поэты, драматурги. В таком случае «получается, что, употребляя слова повседневного обихода, мы за деревьями рискуем не увидеть леса; употребляя термины, мы рискуем за лесом не увидеть образующих его деревьев» [1, с. 7].

Некоторые ученые, в том числе Л.А. Симоненко, А.В. Крыжановская, высказывают точку зрения, согласно которой не существует качественных различий в плане выражения между термином и словом, так как термины образуются по существующим в языке правилам образования слов и словосочетаний, имеют те же формальные признаки, что и обычные слова, а также подчиняются общим правилам словоизменения. В тоже время необходимо отметить, что есть функциональные различия, так как терминология предназначена для употребления в определенной сфере, более узкой и обособленной.

Проблема соотношения терминологической лексики с общеупотребительной (некоторые авторы называют ее общелитературной) не имеет однозначного решения. По мнению Н.Г. Михайловской, «данное соотношение определяется, с одной стороны, специальным назначением слов-терминов, имеющих сравнительно узкую сферу применения, а с другой – универсальностью, практической не замкнутостью использования слов общелитературных» [5, с. 123]. На сложность данной проблемы указывал и В.П. Даниленко: «при включении терминологии в лексику общелитературного языка теряется ее функциональная и собственно языковая специфика, утрачивается особый критерий ее оценки. Однако и противоположный прием – изъятие терминологии из лексики общелитературного языка и анализ ее вне определенной языковой системы неправилен и также чреват неизбежным искажением фактических процессов, специфических и общих, распространяющихся на терминологию» [3, с. 7].

Толикина отличает термины и нетермины в зависимости от сферы их употребления и характера выражаемого понятия [9, с. 63].

Языку права присущи термины, образованные из нескольких самостоятельных слов (например, *судоустройство*, *отказополучатель* и т.д.). Специальные юридические термины часто заимствуются из римского права или иных развитых правовых систем (*акцент*, *виндикация*, *контрабанда* и др.). Но основное образование юридических

терминов происходит из корней отечественного языка (*преступление, дознание, суд, закон* и др.).

Еще одним существенным фактором, который отличает юридическую терминосистему от системы лексики общего языка, можно считать то, что терминологические поля структурируются только в письменных документах (кодексах, законах). Это еще больше «подтверждает связь терминологичности номинативных единиц в юридической терминологии с письменным текстом, который определяет не только развитие в ней парадигматических отношений, но и характер синтагматических отношений, на основе которых образуются сверхсловные термины» [10, 1997].

В качестве сходного признака юридической терминологии и общеупотребительной лексики необходимо отметить, что для них характерны все факторы формирования связи слов: лексический, синтаксический и словесно-грамматический. Что касается сочетаемости термина с другими словами, то, по мнению Плотникова, она намного ниже, чем у слов общего употребления. Отсюда следует вывод о том, что признаком терминологичности в данном случае является значительно меньшее число синтагматических отношений [6, 1984]. Как отмечает Хижняк, данное замечание применимо к юридической терминологии. Однако необходимо отметить, что термин развивает и новые связи в терминосистеме, что проявляется на словесно-грамматическом, а также и на лексическом уровнях.

Таким образом, мы придерживаемся позиции, согласно которой, терминологическая лексика, являясь составной частью лексики литературного языка, естественно обладает признаками общесловарного запаса, не теряя при этом той специфики.

Список литературы:

1. Головин Б.Н. Термин и слово // Термин и слово. Межвузовский сборник научных трудов. – Горький: ГГУ, 1980. – С. 3-11.
2. Даниленко В.П. Об основных лингвистических требованиях к стандартизируемым терминам // Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики. – М.: МГУ, 1971.
3. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. – М., 1977. – 246 с.
4. Котелова Н.З. К вопросу о специфике термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М., 1970. – С. 122-127.

5. Михайловская Н.Г. О формировании и функционировании юридической лексики // Терминология и культура речи. – М.: Наука, 1981. – С. 110-123.
6. Плотников Б.А. Основы семасиологии. – Минск: Выш. шк., 1984. – 223 с.
7. Прохорова В.Н. Русская терминология: Лексико-семантические образования. – М.: МГУ, 1996. – 125 с.
8. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология. Вопросы теории. – М., 1989. – 243 с.
9. Толикина Е.Н. Некоторые лингвистические проблемы изучения термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1970. – С. 53-67.
10. Хижняк С.П. Юридическая терминология: формирование и состав. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1997. – 136 с.
11. Шанский, Н.М. Очерки по русскому словообразованию. – М.: Изд-во МГУ, 1963.

СЕКЦИЯ 6. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА

ИКОНОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ИКОНЫ В ВОЛГО-ВЯТСКОМ РЕГИОНЕ

Быкова Екатерина Васильевна

к. иск., ст.преподаватель ПГИИК, г. Киров

E-mail: ev2_74@mail.ru

В повседневном обиходе понятие «старообрядческая икона» распространяется на икону, бытовавшую в старообрядческой среде, написанную иконописцами для староверов с учетом догматических правил и учений, а также на икону, написанную до XVII в. Для атрибуции необходимо рассматривать икону с разных точек зрения: иконографической, стилистической, технологической. Это поможет выявить особенности иконографии и классифицировать памятники по отдельным направлениям, установить региональные особенности поздних икон.

Икона – важная культовая принадлежность в жизни «ревнителей древнего благочестия». Стремление во что бы то ни стало сохранить в неприкосновенности не только старый церковный обряд, но и сам образ жизни древней «допетровской» Руси, ее быт, ее культуру – все это воспринято как своего рода «типикон спасения» (по определению В. Розанова) – характерная особенность русского старообрядчества [2, с. 26]. Это желание староверов сохранить во всей полноте старину делает для нас научное изучение проблемы особенно актуальным.

Прежде всего необходимо отметить общие для всех старообрядческих икон особенности, позволяющие отделить их (правда, далеко не всегда) от произведений официального церковного искусства. Во-первых, как известно, одним из важнейших расхождений между старообрядцами и никонианами был вопрос о перстосложении. Официальная церковь в послереформенное время запрещала изображение на иконах двоеперстного сложения. Напротив, в старообрядческом изобразительном искусстве повсеместно встречается двоеперстие. Во-вторых, расходились старообрядцы и никониане в написании аббревиатуры имени Иисуса Христа. Старообрядцы отвергают никоновское нововведение – написание имени Христа как Иисус и, следовательно, надпись на иконах «ИС.

ХС.». Единственно правильным провозглашается написание имени Христа как Исус и аббревиатуры «ІС. ХС.». Третья особенность – отличие символов евангелистов на старообрядческих и никонианских иконах: символом Марка у старообрядцев является орел, а Иоанна – лев, на православных иконах послениконовского периода — наоборот. Кроме того, старообрядческие иконописцы продолжали в соответствии с древней русской традицией изображать евангелистов в виде животных, что было категорически запрещено православной церковью в 1722 г. .

Наряду с двоеперстием одним из существенных разногласий старообрядцев с официальной церковью был вопрос о форме креста. На всех старообрядческих иконах в руках святых, на маковках церквей всегда изображаются только восьмиконечные кресты. Мы никогда не встретим здесь четырехконечных или шестиконечных. На старообрядческих иконах также не могут встречаться изображения новых святых, канонизированных русской православной церковью уже после раскола, новых образов Богоматери и новых изводов традиционных сюжетов (например, Воскресение Христово изображается только в виде Сошествия в ад).

На Соборе 1 октября 1751 г. у федосеевцев было постановлено: «Ст. 2. Образом святым поклоняться древняго благочестия и ныне от христиан (т.е. Федосеевцев) писанным, а от иноверных или от новоженев писанных или литых не принимать»; «Ст. 3 Образы литые выменивати от христиан или от поморцев, а от никониан медных литых не принимати и не поклонятися, а новые медные литые стали но неведению променивати на древние» [8, с. 56].

Собор о соглашении Поморцев с Федосеевцами в Петербурге 4 января 1791г. постановил: «Ст 2. На крестах честных надписания, по всеобщерному ее церкви обычаю, всем иконописцем и меднолитным художником полагаати повелеваем, т.е. Царь Славы ІС ХС НИ КА и прочая»; «Ст 3. Титлы на крестах свитех вместо Пилатом тремя языки положенныя четырехлитерное надписание ІНЦІ веем иконописцом нашим и художником медполитным писати и отливати не повелеваем». Московский собор 19 февраля 1791 г. принял эти постановления и повторил их в статье пятой [3, с. 116]

В постановлениях мирного соглашения Поморцев с Балчужными 20 декабря 1812 г. написано: «Ст 5. Крест Христов иконописцам писати и медником отливати с царским и богословским надписанном, еже есть Царь Славы Исус Христос Сын Божии, или распятие Господне и прочая древлецерковная всеобдержная подписания, кроме сих литер ІНЦІ О первобытном же Пилатовом

надписании, как у святых написано, так и мудрствовати, свое разсужденнаго же толкования или разсуждения не принимати» [1, с. 56]

В иконописных мастерских свято соблюдались исповедуемые староверами каноны и традиции древнерусской иконописи, которые, в свою очередь, определялись кругом православных образцов, сложившихся к середине XVII в. Именно в старообрядческой среде была сильна ориентация на древние образцы, большинство из которых дошло до нас в поздних повторениях.

В какой-то степени народные иконы отражают и определенный иконографический репертуар. Старообрядцы разных толков по-разному относились к иконе. В одном толке в разных общинах (починках, деревнях и селах) были свои представления о том, каким иконом поклоняться и как. Выделившиеся в беспоповщине к концу XVII в. «Спасово согласие» (или «нетовщина») и во второй половине XVIII в. «рябиновцы» представляли собой крайние точки осмысления благодати образа.

У «нетовцев» нет храмов, они не служат ни утрени, ни часов, ни вечерни – поэтому они и называются «нетовцами». Сами они называют себя «спасовцами», потому что, по их убеждению, питать надежды можно на одного только Спаса («по Спасовой милости»). Последователи «Спасова согласия» считают, что благодать была «взята» на небо; они отрицают все таинства и богослужения. Это упование на «Спасову милость» привело к тому, что изображениям на иконах стали приписывать функцию священника: перед иконами совершали исповедь и вычитывали скитское покаяние.

В 1862 г. статский советник Ив. Синицын, характеризуя одно из направлений старообрядчества — «Спасовщину» — писал: «... Кроме особо уважаемых святынь и своих домашних икон, никаким и ничьим образом не молятся и куда бы ни отправлялись хотя бы на короткое время и даже в моленную, всегда носят с собой свои иконы и молятся только им. По этой причине иконы и кресты их почти всегда маленькие, литые из меди, большую часть в виде складней». По докладу того же Синицына, «у раскольников <...> прибиты над воротами домов и расставлены в избах восьмиконечные кресты от трех вершков до 1/2 аршина и более длиною, почти все без титла с заменяющею ее подписью “ЦРЬ СЛВЫ ИС ХС СНЪ БЖИЙ” <...> с нерукотворным вверху образом Спасителя вместо изображения Господа Саваофа с солнцем и луною на краях большого поперечника, старинные иконы, медные складни» [5, с. 123].

Опираясь на учение об «истреблении» Антихристом в миру всей «святыни», рябиновцы отрицали все таинства, а самые радикальные – все иконы. Рябиновец спасался только молитвой. Его моленный дом – четыре выкрашенные черной краской стены, четыре черных квадрата, символизовавших пустоту, безблагодатность окружающего мира. И лишь один знак – восьмиконечный крест без изображения на нем распятого Христа - и обращенная к этому кресту краткая и частая молитва «Господи помилуй!» могли помочь спастись. Интересны резные иконы, принадлежавшие рябиновцам. Это разнообразные модификации Креста-Распятия в окружении буквенной символики, как правило, на фоне главок церквей. По преданиям, иконы изготовлялись только из рябины. Также рябиновцы поклонялись металлическим крестам и образам Иисуса Христа и Богоматери. .

В обрядах беспоповцев-«мелхиседиков» икона наделялась способностью пресуществлять святые дары. Они ставили перед иконами хлеб и чашу с вином; потом молились, «служили» вечерню, полунощницу и утреню по Уставу и Псалтыри. Тайна пресуществления хлеба и вина (иногда воды) происходит исключительно благодаря иконе.

Филипповцы (или старопоморцы), последователи старца Филиппа, совершившего вместе со своими соратниками акт самосожжения в молельном доме в 1743 г., отказывались молиться за царя и расходились во взглядах с другими беспоповцами по вопросу принятия монограммы «ИНЦІ». Спор имел принципиальное значение, поскольку, по убеждениям филипповцев, именно с этого и началась «новая никонова вера»: «Никон же патриарх в Ставрове монастыре крест постави, и на нем перво вообрази в России сия ИНЦІ. буквы: откуда и на многих крестах по всей России сия буквы восприята». В отличие от многих других староверов филипповцы отказывались почитать икону Богоматери «Всех Скорбящих Радости» по причине ее явления в 1688 г., т.е. после реформы патриарха Никона [7, с. 34].

На новгородском соборе старообрядцев-беспоповцев, положившем начало так называемому федосеевскому старообрядческому согласию, священники никонианской церкви называются «идоложрецами», а их служение перед иконами сравнивается с приношением жертвы самому Сатане.

Старообрядческие и дониконовские иконы остаются для федосеевцев «святыми», и, следовательно, перед нами не протест против почитания икон как таковых, а либо протест против неправильных, неправославных изображений (если речь идет о новообрядческих иконах), либо протест против неправильного

контакта с правильным изображением (старые дониконовские иконы). Федосеевцы почитали святой крест только с титулатурой «ИИЦ», за что получили дополнительное название «титловщины». В почитании Распятия старообрядцы старопоморского толка расходились с поповцами. Кресты-Распятия поповцев содержали в верхней части изображение Саваофа и Святого Духа в виде голубя и четырехлитерную надпись «ИИЦ». Беспоповские иконы и Кресты Распятия допускали в верхней части только изображение Нерукотворного Спаса и надпись: «Царь Славы Иисус Христос Сын Божий». В отличие от поповцев, беспоповцы намного строже относились к иконам, которые писали новообрядцы или иконописцы других толков.

Рассматривая народное благочестие, следует помнить, что в действительности религиозность староверов была очень цельной, слитной с их образом жизни. Непременной принадлежностью любой избы старообрядцев, к примеру, в Нижегородской и Вятской губернии были иконы, о чем свидетельствуют экспедиционные и архивные материалы. В доме находилось от 5 до 20 образов одновременно. Определить, какие иконы встречались чаще, трудно. Это зависело от вкуса и от обстоятельств жизни дома и, конечно, от принадлежности к определенному толку. В домах старообрядцев поповского толка австрийского согласия наиболее распространены иконы следующих сюжетов: «Троица Ветхозаветная в бытие» (в двух изводах, наиболее часто встречается вариант «Гостеприимство Авраама и Сарры»), «Спас Вседержитель», «Царь Царем» («Спас Великий Архидиакон»), «Образ Нерукотворного Спаса» в особом изводе – с двумя (иногда с четырьмя) ангелами, держащими концы убруса. Из богородичных икон особо почитаемыми у местных старообрядцев и поныне остаются «Одигитрия Смоленская», «Знамение», «Покров», «Троеручица», «Казанская», «Огневидная», «Неопалимая Купина», «Не рыдай мене, Мати». Широко бытуют в домах акафисты и соборы чудотворных богородичных икон. На полях домовых, как правило богородичных, икон дается изображение в рост избранных святых. Особо отмечается патрональный характер подбора святых, соименных членам семьи, с обязательным включением в их число и Ангела-хранителя.

Со вт. пол. XIX в. на полях нередко изображается уже по 6-8 фигур святых. Такие иконы служат для их владельцев домовыми иконостасами, в обиходе зачастую их так и называют. Название «домовой иконостас» закрепилось и за иконами с литыми врезками. В таких иконах по центру обязательно расположен крест (напрестольный или киотный), вокруг которого размещаются литые образки и

многостворчатые складни. Литью в сочетании с живописью отдавали предпочтение старообрядцы часовенного толка. В каждом доме можно встретить несколько икон Спасителя, Богоматери, образа наиболее чтимых святых – св. Николая Чудотворца, мч. Иоанна Воина, вмчц Параскевы, мчц Екатерины и Варвары, а также минейные иконы и двенадцатые праздники. Федосеевцы особенно почитают святого Паисия и молятся ему за тех, кто умер без покаяния, но имя покойника не упоминают; также обращаются они и к святому мученику Уару, ему тоже молятся, когда человек умер без покаяния. В подобных же случаях молятся Св.Фекле, но только за упокой женщин. У старообрядцев поморского толка встречается изображение Иоанна Богослова с пальцем у рта (икона «Иоанн Богослов в молчании»). Этот сюжет трактуется ими как свидетельство невозможности узнать заранее время «кончины мира».

Особо почитали в среде старообрядцев первого московского митрополита Петра - посредника между Богоматерью и русским народом. Богоматерь и митрополит Петр почитались как защитники и хранители истинного христианского благочестия. Их изображения можно встретить на образах с избранными святыми, в других композициях.

В домах у староверов находится большое количество богородичных икон XIX-XX вв. Богородице были посвящены и молитвенные тексты – каноны, акафисты, тропари и службы к Богородичным праздникам, которые дополнялись окрашенными фольклорными вымыслами легендарным вымыслом апокрифическими сказаниями, повествованиями о видениях. Чрезвычайно популярные в народе апокрифы «Хождение Богородицы по мукам» и «Сон Богородицы» находились в рукописных Прологах и Триодях, хранившихся в старообрядческой среде.

В XIX-нач.XX в. в среде старообрядцев особо почиталась икона «Богоматерь Тихвинская» как написанная апостолом Лукой и являющаяся помощницей в устроении обителей, хранительницей истинного православия. Часто изображение Богоматери сопровождается орнаментом из вьющихся стеблей, цветов – символов райских садов, что говорит о традиционном восприятии Богоматери как Царицы Небесной райских обителей Бога Вышнего. «Сказание о Тихвинской иконе Богородицы», являясь одним из наиболее известных повествований о перемещении христианских святынь на Русь, не могло не оказаться в сфере внимания старообрядцев. Рассказы такого рода, создаваемые на Руси, получили значение исторического свидетельства в пользу того, что только русское православие и

сохранило древнехристианские традиции, причем свидетельства очень важного, поскольку само перенесение святынь в подобных сказаниях, как правило, происходило чудесным образом, следовательно, Божьим промыслом.

Тема преемственности русским православием древнего христианства была одной из центральных для старообрядцев, поскольку представления о такой преемственности, выделявшей русскую церковь среди других христианских церквей, и понимание в связи с этим необходимости сохранения «русской веры» в конечном итоге и привело к резкому столкновению старообрядцев и официальных церковных властей, внесивших в устоявшиеся церковные формы немало изменений, воспринимавшихся старообрядцами как «порча». Отождествление тихвинской иконы с иконой, написанной евангелистом Лукой, позволяло считать изображенное на ней перстосложение младенца Иисуса первостепенным аргументом в пользу древности и, следовательно, истинности двуперстия. Особая роль этого свидетельства обуславливалась и тем, что иконное изображение могло служить в качестве доказательства в поддержку старообрядческого мнения о перстосложении для неграмотных людей. Официальной церковью перстосложение Иисуса на Тихвинской иконе трактовалось как именованное.

В молевных и частных домах у «ревнителю древлего благочестия» можно встретить иконы Владимирскую, Казанскую, Иверскую, Шуйскую Богоматери, а также «Скорбящую Богородицу». Старообрядцы, почитая «Скорбящую Богородицу», исполняли ей ирмосы, призывая ее в печали и как спасительницу от клеветы. В народном сознании культу Богоматери отводилось первое место в ряду «спасительных» и «целительных» чудес, которых ждали от икон святых. Но характер ожидаемых «чудес» в каждом селении мог быть свой. Однако желание видеть не небесное, а именно земное пребывание Богоматери, включение икон Богородицы в ритм своей жизни и повседневных забот объединяет взгляды разных общин и толков в среде «ревнителю древлего благочестия».

На многочисленных старообрядческих иконах Господа Вседержителя Царь Небесный как будто «замещал в безблагодатном миру» православного царя. Распространенность в народе иконографии Вседержителя аналогична распространенности в духовных стихах наименования Христа «Царем Небесным». Поскольку реальный мир воспринимался царством сатаны, он воспринимался и местом мучений, требовавших скорейшего разбирательства. В основном в

старообрядческой среде встречаются иконы Господа Вседержителя, выполненные «в манере Рублева». Спаситель изображался в традиционном трехчетверном повороте, с двоперстным благословением, придерживающим левой рукой раскрытое Евангелие.

Среди избранных святых повсеместно почитали Николая Чудотворца, Иоанна Богослова «в молчании», Иоанна Предтечу, пророка Илию в «огненном восхождении», Архангела Михаила, представляемого как «Грозных Сил Воевода» (летающий на крылатом коне огненный всадник). В иконографическом отношении есть также ряд особых пристрастий, к которым можно отнести, в первую очередь, групповые композиции. Но, бесспорно, преобладают изображения святых «практического назначения». На иконах в ряду предстоящих или рядом с изображением святого можно встретить ангела-хранителя. Тема Страшного Суда и конца света часто поднимается на страницах апокрифических сказаний в рукописных старообрядческих книгах.

В нач. XVIII в. официальная церковь запрещает изображение Господа Саваофа «в образе ветхолоетного мужа», а также евангелистов в подобие животных с надписанием имени самих апостолов. Под запрещение попадает целый ряд икон, «противных естеству, истории и самой истине». Перечень их довольно сумбурный: наряду с иконами, включающими фантастические элементы (мученик Христофор с песьей головой, Богоматерь-Троеручница, образ Неопалимой Купины, «образ Премудрости Божией в лице некия девицы», «образ шестодневного всемирного творения Божия, в котором Бога Отца пишут на подушках лежаща», «образ Саваофа в лице мужа престарелого и едиnorodного Сына во чреве Его и между Ними Духа Святого в виде голубя», (т.е. икона «Отечество»), «Благовещение с Богом Отцом, дышащим из уст»), запрещаются вполне канонические иконы («Образ Богородицы болящей при Рождестве Сына Божия и бабы при Ней», «образ Флора и Лавра с лошадьми и конюхами») [7, с. 32].

Появление во вт. пол. XVII в. в новой иконографии «Неопалимой купины», которую стали писать с символическими и аллегорическими подробностями, заставляло старообрядцев пояснять этот сюжет чаще других. В «Алфавите о Неопалимой купине» давалось народное толкование символов иконы, которое в разных сборниках содержало незначительные варианты. Образ внутреннего младенца в пояснении автора-составителя символизировал рождение Христа «От Отца», «прежде всех век Богоматери», младенец же на руках Богоматери «поведет Рождество от девы Бога Отца». Трехлетний возраст Христа символизировал «триличное божество».

Во всех старообрядческих толкованиях ощущается традиционная опора на Стоглав и особо чтимые ими предания московской старины [4].

Икона в жизни старообрядцев играла важную роль. В каждом толке, согласии были свои особо почитаемые святые. Иконы для старообрядцев писались с учетом их догматических правил и учений. Знание особенностей иконографии разных старообрядческих толков необходимо не только для атрибуции икон, но является важным звеном в развитии исторической, филологической, археографической, этнографической и искусствоведческой наук.

Список литературы:

1. Иоаннов А. Полное историческое известие о древних стригольниках, и новых раскольниках, так называемых, старообрядцах, о их учении, делах и разгласиях. СПб., 1855 Ч. II. С. 39.
2. Лисовский Н.М. Русская периодическая печать. 1703-1900 гг. Петроград, 1915. С. 6
3. Розанов В.В. Психология русского раскола // Религия и культура. — СПб., 1899, с. 24–25.
4. Отечественя завещания. Рукопись Владимирской Семинарии (Государственный архив Владимирской области. Ф. 75, д. 347, л. 234).
5. О состоянии раскола в Вятской губернии // Вятский епархиальный вестник. 1879. № 4-5.
6. Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII в. Исслед. из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изд. и рукописным. СПб., 1898
7. Смирнов П.С.. Из истории раскола 1-й пол. XVIII в.: По неизд. памятникам. СПб., 1908; .
8. Смирнов П.С.. Споры в расколе во 2-й четв. XVIII в. СПб., 1911

ПОНЯТИЯ «КАТАСТРОФА» И «КАТАСТРОФИЧЕСКИЙ РЯД» В ИСТОРИИ ИСКУССТВА

Швец Татьяна Петровна

*аспирант Санкт-Петербургского Гуманитарного Университета
Профсоюзов, г. Санкт-Петербург
E-mail: tanyashvetz@mail.ru*

Любое определение катастрофы указывает на общезначимость явления, то есть подчеркивает чрезвычайный гносеологический, аксиологический, онтологический потенциал масштабного негативного события и непосредственное участие человека в его переживании. Катастрофа является константным фактором в истории искусства, проявляясь в разные эпохи в виде разных образов и мотивов.

А. Лосев писал о катастрофизме мышления Леонардо да Винчи, о его убежденности в «вечном стремлении времени ко всеобщей катастрофе и мировой неподвижности конечного хаоса» [3, с. 404]. Ощущение катастрофы личности характерны и для Микеланджело, который, по мнению А. Лосева, приходит к выводу о том, что невозможно «построить совершенный космос, идеальный миропорядок средствами лично-оформленной материи» [3, с. 443], так как вместо космоса получается хаос, в котором полные тоски и отчаяния существуют одинокие, близкие к идеалу личности, осознающие свою противопоставленность всему миру и друг другу и неспособные вырваться из этого хаоса и осознать свое место.

В истории искусства тема катастрофы не ограничивается изображением трагического события в жизни героя или группы людей, ее образный ряд шире: «катастрофический ряд» в произведениях искусства можно дополнить такими категориями, как трагическое, ужасное, безобразное, а так же включить в парадигму катастрофического апокалиптические образы, мотивы болезни, смерти, *dance macabre*.

Одной из важных категорий, входящих в «катастрофический ряд», является категория ужасного. Эстетическая категория ужасного антиномична. Противопоставлением ужасному является прекрасное (в этом случае, как правило, действует пара «прекрасное-безобразное»), доброе (в этом случае ужасное выступает в ипостаси зла, как оппонента добру), истинное (в варианте ложности, а, значит, искажения истины и нарушения естественного строя вещей и

понятий), гармоничное (в этом аспекте иногда для противопоставления используют категорию катастрофичного).

Уже в первобытном искусстве можно найти образы зверей, вселяющих страх и ужас в людей. В эпоху античности мифология изобиловала изображениями безобразных, коварных и злых существ (Медуза Горгона, Циклоп), а герои, послушавшиеся богов карались путем лишения физической красоты или душевных качеств, переживая тем самым личностную катастрофу (достаточно вспомнить полярные по своему катастрофическому значению мифы об Ио и Нарциссе).

Классическая мифология изобилует немислимыми жестокостями, а мифологическое пространство населено ужасающими существами: сиренами, гидрами, горгонами, циклопами, сфинксами, эриниями, кентаврами, минотаврами, медузами. Упоминания этих существ встречаются и в литературе того времени: в «Одиссее» Гомера дано развернутое описание Сирен (XII, 39-61), Сциллы и Харибды (XII, 112-141) и Полифема (IX, 214-217, 288-298, 371-374, 378-384), а в «Илиаде» появляется Химера (VI, 180-183), в «Энеиде» Вергилия встречаются устрашающие образы Гарпии (III, 210-213, 214-218) и Цербера (VI, 417-423), а у Гесиода дан ужасающий образ Преисподней (*О происхождении богов (Теогония)*).

Ужасное как эстетическая доминанта мировосприятия характерна для эсхатологических концепций, для религиозных идей о вечных муках ада, Страшном суде, Апокалипсисе. Так, в двадцатой главе Апокалипсиса говорится, что явится ангел, который низвергает Дракона в Бездну и сковывает его там на тысячу лет. Тысячу лет спустя Дракон-Сатана на малое время вернется обольщать народы, но, в конце концов, ему суждено пасть окончательно и быть ввергнутым в серное озеро со Зверем и лжепророком. Этот текст породил немало интерпретаций, например, данной святым Августином в труде «О Граде Божьем», согласно которой тысячелетие означает период от Боговоплощения до конца истории, то есть время, когда мы живем. В таком случае вместо грядущего начала тысячелетия человечество ждет его грядущего конца, с ужасами, возвращением дьявола и его лжепророка, Антихриста, вторым пришествием Христа и концом света. В течение X века ощущение приближающейся кончины мира было столь велико, что все королевские хартии начинались словами «Так как приближается конец мира...».

Иносказания и символика Апокалипсиса получили художественное воплощение в иконописи и живописи, в книжных миниатюрах и графике (наиболее известными из которых являются гравюры Альбрехта Дюрера); широко распространены изображения

четырёх апокалипсических всадников и трубящего архангела, возвещающего о Втором пришествии Христа. Идеи, образы и сюжеты Откровения нашли также отражение в мировой литературе, достаточно вспомнить "Центурии" Нострадамуса, историко-культурологические построения Николая Данилевского ("Россия и Европа") или Освальда Шпенглера ("Закат Европы"). Важно, что четыре всадника Апокалипсиса воплощают собой разные ипостаси антропологической катастрофы: мор, войну, голод и смерть.

Тематически и логически с образом четырёх всадников Апокалипсиса связаны мотивы болезни и *dance macabre*. Последние отличались разнообразием образов. Наиболее ранние воплощения *macabre* в средневековом искусстве зачастую обнаруживают преемственную связь с иконографией Страшного суда или суда индивидуального, который разворачивается у смертного одра умирающего. А с XIV века наиболее часто встречающимся образом *macabre* станет изображение полуразложившегося трупа, который встречается на стенах нижней базилики в Ассизи, работы круга Джотто.

Позже, в XVI в., возникает другой распространенный образ – *dance macabre* – пляска смерти, нескончаемый хоровод, в котором перемежаются живые и мертвые. Нравственная цель этого сюжета – напомнить одновременно и о незнании человека часа своей смерти, и о равенстве всех людей перед ней. Голландский историк Й.Хейзинга рассматривал образы *macabre* как проявление «чрезмерной чувствительности» человека к жизни, как «чувство разочарования и уныния» [4, с. 102]. Для людей «второго Средневековья», отмечает Ф. Арьес, «смерть перестала быть итогом, подведением счетов, судом и блаженным сном. Она стала гниением и разложением, смертью физической, страданием» [1, с. 146]. Именно в этих представлениях черпала вдохновение искусство *Macabre*. И именно в силу этого изменения в мировоззрении людей образы *macabre* могут быть соотнесены с темой катастрофы.

Сопряженный с мотивом *Macabre* мотив триумфа смерти так же должен был напоминать о мимолетности и бренности бытия. Мотив триумфа смерти, активно использовавшийся в литературе и искусстве Средних веков, берет свои истоки еще в искусстве античности. В Древнем Риме был развит жанр литературных Триумфов, самым известным из которых был «Триумф» Петрарки (наряду с Триумфом Любви, Целомудрия и Славы в нем есть и Триумф Смерти). Триумф смерти часто сопряжен с мотивом изображения всадников Апокалипсиса. Одним из известных триумфов смерти стала колесница

Смерти известного флорентийского живописца эпохи Возрождения Пьетро ди Козимо, созданная в Папском зале для празднования масленицы и поразившая воображение его современников (это событие подробно описано Джорджо Вазари в знаменитых «Жизнеописаниях...»), и одноименное полотно Питера Брейгеля Старшего.

В ином аспекте мотивы одиночества, смерти и неисправимого несовершенства жизни как аспектов темы катастрофы с новой силой проявились в искусстве символизма. Это и гротесковая горечь в традициях *memento mori* в картине Фелисьена Ропса «Смерть на балу», и безнадежно одинокая Надежда с повязкой на глазах в работе Георга Уоттса, и меланхоличный «Остров мертвых» Арнольда Бёклина, ставший одной из ключевых работ направления, и графический цикл Одилона Редона «Истоки», в котором в изобилии представлены нелепые в своем безобразии существа, ставшие жертвами эволюции, а природа трактуется как тюрьма, из которой человек должен совершить побег. Цикл в целом был посвящен абсурдности мира, тем диссонансам бытия, которые остро чувствовал сам Редон. Позже роман Сартра «Тошнота» и рассказ В. Набокова «Ужас» докажут, что даже собственное отражение может вызвать у человека неопишущий страх.

Другой, не менее важной категорией, входящей в «катастрофический ряд», является категория безобразного, традиционно составляющая оппозицию прекрасному. На разных этапах истории искусства безобразное трактовалось как антиномичная по отношению к прекрасному категория, как символ утраты гармонии с окружающим миром и с самим собой, проявляясь в аспекте личностной (физические недостатки, уродства) либо общественной (пороки, «моральное уродство») катастрофы. Однако именно безобразное в значительной степени явилось мерилom для апофатического определения прекрасного.

Со времен античности категория безобразного обладала стойкой отрицательной коннотацией, часто в произведениях искусства приобретая назидательно-дидактический или эмоционально-побудительный характер. Европейское искусство начала XVI века отмечено широким распространением «моды на уродливое». В этой манере написаны картины «Уродливая герцогиня» и «Ростовщики» Квентина Мессейса, «Искушение святого Антония» Мартина Грюневальда. Интерес к гротескным изображениям во многом питался материалом забавных сенок (дролери) в средневековых рукописях, в целом же он был своеобразной реакцией на идеальные образы

искусства Возрождения. Босх, несомненно, самый оригинальный и плодовитый мастер этого направления. Черты карикатурной уродливости в облике босховских персонажей обусловлены их моральной ущербностью и служат для большей дидактической морализации определенных сюжетов. Они становятся воплощением пороков, искажающих картину гармоничного мира. Так, «Несение креста» И.Босха представляет собой «парад уродов» (А. Якимович) [5, с. 13]. Все персонажи картины, от патриция и рыцаря до нищего, отвратительны как в психологическом, так и в физическом плане. Не отличаются красотой и образы зрелого периода Караваджо – они непривлекательны, грубы, их жесты чрезмерны, а лица искажены гримасами эмоций. Примером этого может служить полотно Караваджо «Распятие святого Петра».

В искусстве романтизма тема катастрофы получила развитие в творчестве Эжена Делакруа, Теодора Жерико, Джона Мартина. Одним из ключевых образов эпохи романтизма стал образ гибели Помпеи, созданный К.П. Брюлловым. К образам ужасного и безобразного обращались Джон Фюзли и Уильям Блейк. Трагичностью несовершенства жизни пронизаны работы Франциско Гойи.

XX век расширил и обогатил «катастрофический ряд» в истории искусства. В первой трети XX века наиболее насыщенными образами катастрофы стало искусство экспрессионизма, обратившееся к мотивам крика и маски как полярных по мимическому выражению, но схожих по катастрофической сути явлений, образам большого города как катастрофической среды одинокого и безнадёжного существования человека. Апокалиптические образы, проявившиеся в графических и живописных работах экспрессионизма, стали живописным пророчеством грядущей катастрофы Первой мировой войны.

Катастрофа стала трактоваться не только как трагическое событие в жизни отдельного человека или группы людей, но и как всеобщее состояние, обретя статус антропологического, то есть «события, происходящего с человеком и связанного с цивилизацией» (Н.В. Голик) [2, с. 213]. Это особо остро чувствовалось накануне Первой мировой войны и в послевоенный период.

Учитывая данные аспекты трактовки темы катастрофы в истории искусства, можно сделать вывод, что тема катастрофы является одной из константных тем в искусстве. Присутствуя в истории искусств в виде различных мотивов и образов, отражая временную специфику и соответствуя эстетике своего времени, приобретая различные оттенки и звучания, тема катастрофы в

искусстве оставалась одной из наиболее значительных тем в разные эпохи, становясь наиболее востребованной в переходные периоды – на рубеже столетий, при смене картины мира, когда повышался интерес к апокалиптическим пророчествам, а мир изменялся вследствие исторических и социально-политических событий.

Список литературы:

1. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти: Пер. с фр./ Общ. Ред. Оболнеской С.В.; пердисл. Гуревича А.Я. – М.: Прогресс, - Прогресс-Академия, 1992. – 490 с.
2. Голик Н.В. Антропологическая катастрофа: реальность или иллюзия?// Социальный кризис и социальная катастрофа. Сборник материалов конференции. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С. 213-216.
3. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978. – 504 с.
4. Хейзинга Й. Осень Средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV вв. во Франции и Нидерландах. М., 1988. – 416 с.
5. Якимович А.К. Новое время. Искусство и культура XVII-XVIII веков. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 365 с.

СЕКЦИЯ 7. ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА И ДИЗАЙН

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИКО — ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДИЗАЙНА

Жиркова Наталья Михайловна

соискатель, ФГАОУ ВПО «РГППУ», г. Екатеринбург

E-mail: Girkova@e1.ru

Многие тысячелетия люди занимались ремеслом, создавая предметы быта. Все стало иначе, когда к началу XIX века начали появляться предметы массового потребления, изготовленные промышленным способом на мануфактурах. Предметно-пространственная среда стала рукотворной. Сейчас все создают машины. Машинный труд по производительности во много раз превосходит труд ремесленника. В каждый из тысячи предметов-близнецов, выбрасываемых из машины конвейером, невозможно поместить тот духовный потенциал, что был у вещей, созданных ремесленниками.

Переход от ремесленного труда к мануфактурному производству, а затем к машинному начался с изменения способов производства. Появилась новая техническая цивилизация и новые знания, позволяющие включать чувственно-образные представления о реальности и искусстве, т.е. техническая эстетика.

Массовое производство имеет свои преимущества (в частности, увеличение количества произведенных товаров, способствует повышению жизненных стандартов), и имеет свои недостатки (специализация и разделение труда). С помощью разделения процесса производства на более простые операции появились конвейеры, на которых работу выполняли неквалифицированные рабочие, а должности, ранее предполагавшие сложные и интересные обязанности, превратились в рабочие, где необходимо осуществлять скучную, монотонную, не требующую особого напряжения, деятельность.

Массовое производство привело к однообразию товара. Осознание этой и других проблем, вызванных переходом от ремесленного к промышленному производству, привело к появлению неизвестной доселе профессии дизайнера.

Дизайн помогает решать проблемы обустройства окружающей среды. Проектная художественно-техническая деятельность дизайнера дает возможность разработки промышленных изделий с высокими

потребительскими свойствами и эстетическими качествами, которые формируют гармоничные предметы среды в жилой, производственной и социально-культурной сферах. В более узком профессиональном понимании дизайн означает проектно-художественную деятельность по разработке промышленных изделий, т.е. Создание технической эстетики окружающей среды.

Пионерами этой сферы были архитекторы и художники, которые осознали возможности, открывающиеся перед ними с развитием массового машинного производства. Сегодня дизайн - это комплексная междисциплинарная проектно-художественная деятельность, направленная на формирование на промышленной основе предметного мира в чрезвычайно обширной «зоне контакта» его с человеком во всех без исключения сферах жизнедеятельности.

Дизайн становится источником средового напряжения и даже отчуждения, создавая среду обитания, опираясь лишь на утилитарно-функциональные потребности человека, то есть на техническую эстетику, что существует вне образов традиционной духовной и художественной культуры: техническая эстетика выполняет в жизни людей прагматическую функцию. Да, дизайн возник как реакция культуры на цивилизацию. Или — как технологическая возможность зафиксировать новые культурные смыслы. Уравнительные технологии одухотворяются дизайном и предоставляют дизайну возможность воплощения проектных идей, связанных с технической эстетикой.

Нарастающее многообразие проектных идей современного индустриального и постиндустриального общества глубоко изменяет сущность, природу дизайна, качественно расширяя, раскрывая его возможности во всем – и в формировании единичных предметов, и в воздействии предметного мира на человека через дизайнерскую их массовость, комплексность и системность.

Сфера дизайна формируется, как культурологический подход, рассматривающий дизайн-деятельность как, закономерный продукт развития человеческой культуры. В данном контексте дизайн воспринимается как деятельность, направленная на интеграцию материальной и художественной культуры. При этом предыстория дизайна относится к сфере ремесленного и народного творчества. В рамках культурологического подхода закономерен возросший интерес к традиционному предметному миру материальной культуры и, следовательно, изменилось и определение дизайна. Дизайн — творческий процесс создания вещей, в котором эстетика определяет содержание (суть), а технология - форму вещи.

Эстетическое освоение действительности связано со своеобразным эмоционально-чувственным переживанием красоты или безобразия, совершенства или несовершенства, гармонии или дисгармонии вещей, явлений, событий, процессов окружающего нас мира. Возникая на основе чувственно-предметной деятельности, способность эстетически относиться к ее объектам возвышается над утилитарно-потребительским подходом к их восприятию, оценке и использованию. Для эстетического освоения характерно специфическое (не утилитарное) наслаждение, которое доставляет человеку деятельность, - ее предмет, процесс, результат.

Такая точка зрения наиболее точно соответствует особенностям складывающейся социально-экономической, политической, культурной ситуации в различных обществах, обладающих высоким уровнем развития социальных структур и техники. Крупные изменения, происходящие в социальных качествах предметной оснащенности бытия человека, являются важнейшими показателями грандиозного размаха, приведшего к появлению этого творческого направления в дизайне, вышедшего из художественной деятельности. Дизайн феноменально многообразен и безгранична его сила воздействия на человека. Обольщения современного социального прогресса во многом обусловлено достижениями дизайна.

Эстетическое переживание во многом определяет эффективность процесса познания, так как оно связано со способностью улавливать выразительность, органичность, гармонию исследуемого объекта в его целостности. Любой творческий акт по своей природе эстетичен: чтобы обрести способность к творчеству, надо воспитать свое эстетическое чувство, доведя его до предела всеобщности.

Из выше сказанного следует, что открытость дизайна создает возможности беспроблемного удовлетворения любых потребностей и желаний. Дизайн, развиваясь и становясь искусством освобождения и саморазвития, обогащает собственную философию и методологию. Задачей дизайна становится предельная конкретизация потребления, индивидуализация результатов проекта, внедрение в практику дизайна методов соучастия. Дизайн ставит перед собой задачи, связанные не только с решением проблем материальной оснащенности бытия, но и вполне конкретные задачи, направленные на активизацию пассивного «потребительства». Он помогает человеку ощутить насыщенность собственного существования разнообразием возможностей, помогает ощутить обладание собственным богатым воображением.

Образ, возникающий у дизайнера, тем более эстетически значим и художественно истинен, чем органичнее в этом образе воплощается общественное содержание. Современный дизайн – это не только «опредмечивание» материальных человеческих потребностей, но и «овеществление» ценностей духовных, реализация в дизайнерской форме сущностного содержания эпохи. При этом об адекватности художественного образа нельзя судить, абстрагируясь от общественно-исторических условий, в которых работает дизайнер. Ведь в художественном образе фиксируется не столько действительность как таковая, сколько отношение к ней человека.

Отражая действительность, дизайнер подходит к ней с эстетической организацией. Все идейные пласты дизайнерского произведения (философские, политические, нравственные и иные) становятся компонентами дизайнерского образа постольку, поскольку «втянуты» в сферу эстетического освоения мира. К ним можно отнести открытость дизайна всей широте социальной и личностной проблематике.

Предмет современного дизайна расширяется до проектирования социального события, конструирования стиля и образа жизни, синтезирования новых культурных, моральных, социальных ценностей. Именно поэтому онтологические и теоретико-познавательные аспекты дизайна становятся все более доминирующими, а философская методология дизайна при такой насыщенности дизайна социально-онтологическими проблемами – необходимой теоретической основой дизайнерской деятельности, позволяющей адекватно осмыслить, с одной стороны, уже функционирующие в дизайне научные, культурологические, искусствоведческие и другие практические его модели, а с другой, философский анализ онтологических и теоретико-познавательных проблем дизайна позволяет существенно оптимизировать социальную природу и социальные функции дизайна.

СЕКЦИЯ 8. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРОЛОГИИ В.О. ПЕЛЕВИНА

Нечепуренко Дмитрий Валерьевич

*соискатель кафедры теории массовых коммуникаций ЧелГУ,
г. Челябинск*

E-mail: dsyan@yandex.ru

В последние десятилетия чрезвычайно вырос интерес к проблеме человека, личности и её особенностях, степени её свободы, ответственности в самых разных сферах жизнедеятельности: в науке, искусстве, политике. Это обусловлено очередным прогрессом науки, последними мировыми событиями. Для современной науки очевидно, что понимание человека, его характера, мотивов деятельности требует разностороннего анализа. Осознание этого в быту, науке, культуре, литературе, обусловило изучение этого аспекта с теоретической и методологической точки зрения. Одним из способов решения этой «глобальной», вечной проблемы является разностороннее изучение характера человека, его видов, составление классификаций таковых. Но проблема и в том, что исследователи, в частности, современные литературоведы, в их исследованиях, зачастую неосознанно, пользуются одними и теми же методами. Подобное прослеживается и у самих писателей, когда, например, образуются литературные школы. Так в отечественном литературоведении налицо линейный (европейский) подход к анализу произведений, наблюдается «игнорирование» восточного культурного наследия. В.О. Пелевин является ярчайшим представителем русского литературного постмодернизма, «новым» для русской литературы писателем, творчество которого трудно представить без восточной философии, эзотерики. Главные вопросы, которые он неустанно поднимает в своём творчестве, вопросы вечные. Писатель пытается понять, что такое человек, его душа, сознание, мир, жизнь? Чем отличается истина от заблуждения, мифа, от научного знания или религиозной веры? В чем ценность, смысл истины, жизни? В чём заключается развитие? Какими способами, методами познания нужно пользоваться, чтобы обрести правильное понимание мира?

Ключевым составляющим элементом художественного мира писателя, инструментом его создания и средством выражения главной идеи является герой. У В.О. Пелевина, как правило, изначально это типичный, средний, заурядный человек, который задаёт вопросы об

устройстве мира, к которому они одновременно обращены, и которому приходится отвечать на них собственным опытом. Главный герой здесь – модель, лабораторный образец, экспериментальная площадка для изучения предельных духовных и психофизических качеств человека. Последний взят писателем абстрактно, как эволюционный тип, феномен, представитель нашей Вселенной, одновременно являющийся частью этой системной Вселенной. Герой (человек) - это то самое, что, как принято считать, главенствует в мире, его высшее творение. Человек – это та неразгаданная до конца инстанция, что берёт в руки книгу для того, чтобы просто развлечься, и одновременно тот, кто принимает решения, от которых зависят равновесие сил добра и зла в мире, его будущее. Специфика, организация пелевинского героя такова, что это и инструмент для привлечения массового читателя к совместному с писателем решению серьёзных (вечных) вопросов, для внедрения читателя в процесс поиска смысла жизни вместе с главным героем книги. Художественная организация главного героя, поэтика книг Пелевина зачастую устроена таким образом, что позволяет читателю легко узнавать себя в современном повседневном мире или даже реально (виртуально) ощущать себя на месте героя. Разобраться в пелевинском герое, его характере, мотивах поступков означает окончательно разобраться в себе, понять природу человека вообще: выяснив, кто или что лично Я сам, какой я, как взаимодействую с окружающим миром, какую роль, функцию в нём выполняю, что истинно, что нет. Чрезвычайно важно правильно понять весь этот механизм, чтобы в дальнейшем, придерживаясь закономерностей выведенного концепта, всегда стремиться сохранять некую балансировку, обеспечивающую гармоничное существование в окружающем мире. Характер человека, его темперамент накладывает свой природный «генетический» отпечаток на характер деятельности человека в любой сфере. Характер – это не нечто поверхностное, неуловимое, наносное, нематериальное. Это «практический», деятельный дух, порождающий психический, физический, материальный уровни жизнедеятельности людей, мира в целом. За каждым характером каждого индивидуума стоит уникальная идеологическая концепция мира, его развития, а также реальная живая сила его революционного преобразования на практике.

Решая научную проблему исследования характерологии В.О. Пелевина, описания образующих её типов и их эстетической и функциональной роли в пелевинской концепции Человека и Мира, открывшуюся в эпоху постмодерна, мы связываем её актуальность с тем, что на сегодняшний день нет работ, посвящённых изучению

пелевинской характерологии, детальной классификации типов характера, объяснения составляющих данную систему (характерологию) элементов, их функций, художественных возможностей, объяснения истоков её появления. Можно выделить лишь отдельные противоречивые наблюдения по теме, но, как правило, они слабо соотносятся с реальными художественными, философскими установками писателя, что приводит к тому что, критика и писатель говорят друг с другом, хотя и используя алфавит одного языка, но о разных вещах. Традиционные методы анализа на данном этапе развития науки и философии, искусства, использованные исследователями при изучении пелевинской характерологии можно считать, если и не устаревшими, то малоэффективными. Данное исследование представляет собой одну из первых попыток системного исследования характерологии В.О. Пелевина, с попыткой реконструирования философских и эстетических установок писателя, из которых она рождается, так как именно обширный философский и культурный багаж писателя приводит к серьёзной функциональной и смысловой нагрузке на персонажей в системе образов. Усиление противоречий в современном мире, вызванное повсеместной информатизацией, прогрессом науки (квантовая физика), духовной свободой, сближением культур, оставшимися нерешёнными глобальные проблемы оказалось столь очевидным, что потребовало философского обоснования человеческого характера в новой современной литературе. Более того, во все времена литература, при любых условиях жила поисками адекватных форм художественного эпического выражения. И характерология в этом вопросе играет ключевую роль.

При изучении характерологии целесообразно отталкиваться от всех возможных определений понятия «характер», в том числе обратиться к ненаучным (религиозным, эзотерическим) представлениям об устройстве человека. Существует множество определений слова «характер». Особо выделим следующие:

- характер, как общеэстетический термин: группа черт персонажа.
- характер в драматургии, литературе: образ действующего лица, один из способов типизации (наряду с маской и амплуа).
- характер в психологии: целостные свойства личности (нрав), постоянно проявляющиеся в её поведении (в отношениях к миру и людям); по сути, характер личности состоит из привычек и установок.
- социальный характер - особый склад социального поведения (авторитарный характер) [4].

Характер в литературе – это образ человека, очерченный с известной полнотой и индивидуальной определённой, через который раскрывается как исторически обусловленный тип поведения, так и присущая автору нравственно-эстетическая концепция человеческого существования [2].

Цель нашего исследования - изучение характерологии В.О. Пелевина, как ключевой художественной категории его произведений, на которой строится вся поэтика «серьёзных» произведений В. Пелевина. Необходимо увидеть элементы, образующие характерологию писателя, функциональное назначение типов характера, проследить взаимосвязь системы образов с другими уровнями поэтики.

Исследование ставит и решает следующие задачи: определить особенности пелевинской концепции характерологии; выявить генезис характерологии В.О. Пелевина, описать её теоретико-философские основы; осмыслить и систематизировать элементы, образующие характерологию В. Пелевина; определить функциональное назначение, роль характерологии В.О. Пелевина в раскрытии главной идеи творчества; проследить динамику и трансформацию характерологии В.О. Пелевина в его творчестве.

Научная новизна такого исследования обусловлена тем, что в ней должен быть представлен подробный анализ теоретико-философских истоков и эстетических принципов характерологии Пелевина; необходимо описать пелевинскую характерологию с учётом обнаруженных в ней устойчивых типов; требуется определить функциональное назначение каждого типа, а также осмыслить роль характерологии В.О. Пелевина в раскрытии главной идеи творчества.

Список литературы:

1. Беглов, В. А. Характер и характерология в эпических исканиях русской литературы середины XIX века: [Электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: <http://mith.ru/epic/lit02.htm>. - 2011. - 15. - марта.
2. Большая советская энциклопедия: [Электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: [http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Характер%20\(литератур.\)/](http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Характер%20(литератур.)/). - 2011. – 14 марта.
3. Википедия. Темперамент: [Электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D2%E5%EC%EF%E5%F0%E0%EC%E5%ED%F2>. – 2011.- 19 марта.

4. Википедия. Характер: [Электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Характер>. - 2011. - 19 марта.
5. Хализев, В.Е. Теория литературы. – М., 1999.

СЕКЦИЯ 9. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ МИФОЛОГЕМ В СОВРЕМЕННОЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Мамедова Саадат Арастун

магистр, БСУ, г. Баку, Азербайджан

E-mail: a_s_mamedova@yahoo.com

Кязимова Айтен

к.ф.н., доцент БСУ, г. Баку, Азербайджан

В древние времена отношение людей к событиям прошлого всегда было окутано тайной и магией, и это выражено в мифических представлениях каждого народа. Миф есть выражение первоначального мирозерцания, и является осмысленным представлением о мире, жизни и человеке.

В мифе пространство и время взаимосвязаны. То есть, как не существует времени без пространства, так и не существует пространства вне времени. С этим фактом читатель сталкивается, знакомясь с произведениями современной литературы.

Миф сначала формируется в человеческом сознании, а затем реализуется, материализуется в образах искусства. Люди представляют окружающий мир живым. Миф, кажущийся нам сказочным, фантастическим, - это реальность для людей того времени и особый, пожалуй, самый удобный способ познания мира. Сегодня имеющиеся мифические тексты помогают определить взгляды древних людей, их познание мира и человека.

По мнению российского учёного-филолога, историка культуры, а также основателя исследовательской школы теоретической фольклористики Е.М. Мелетинского, мифические повествования являются "кирпичами" «мифического мира», сформировавшимся в мифической древности. Мифическое время - "предыдущее", "начальное" время, "начало" времени. Это «накануне» настоящего времени, время до времени, то есть, время, которое кончается там, где начинается отсчет настоящего времени. История начинается с момента завершения мифа. Тем не менее, нет древней истории и культуры, без мифологических мировоззрений. Миф и литература связаны в понимании и выражении мира.

В мифе пространство и время взаимосвязаны. То есть, как не существует времени без пространства, так и не существует пространства

вне времени. С этим фактом читатель сталкивается, знакомясь с произведениями современной литературы.

В мифе форма и содержание составляют тождественность, а значит, главная особенность мифа - обобщение и изложение явлений природы и событий в обществе. В мифологическом сознании нет четкой границы между субъектом и объектом, вещью и знаком, пространством и временем. Тождественность выражается всюду, во всем мире.

Каждый народ имеет богатую культуру, а миф - это начало культуры. Мифы предоставляют информацию не только о прошлом, но и о будущем. Мы должны принимать их не как выдумки, а как рассказ о реально произошедшем. В силу того что миф охватывает все сферы первобытного общества, не может быть сомнений в его действительности и реальности. Единство человека и общества выдвигается на первый план, при этом человек находится в гармонии со своим внутренним миром - его действия совпадают с внутренней реальностью. В мифе в то же время тождественны философские, научные, религиозные, нравственные идеи. Миф, представляющий собой первичное знакомство с миром, в то же время является началом времени, основным центром создания первичных образов. Несмотря на небольшой объем, у каждого мифа своя логика: "Дороги, поиски, ведущие к мифу, обнаружение скрытых в его смысле мира чудес и знаний относится к логике. Логика чуда является частью логики мифа". [5, с. 4].

Мифология есть средство выражения человеком самого себя. Миф - самая древняя и извечная форма проявления творчества. Системы мифов, мифология различных типов отражают в себе различные формы и типы культуры человечества.

Мифология Азербайджана имеет древнюю историю. Представление о борьбе двух начал, двух богов – Ахурамезды и Ормазда, представляющих собой Добро и Зло, Свет и Тьму, - долгое время считалось наивной верой народов некоторых стран Ближнего Востока, а также Азербайджана.

В Азербайджане широко распространены мифы и легенды, отражающие победы положительных образов, воплощающих в себе идеи и желания народа. Большинство таких легенд нашли свое отражение в народных эпосах и сказках и в других фольклорных образцах. «Книга моего Деда Коркута», эпос «Кероглу», сказки и другие устные формы народного творчества - очень ценные источники для изучения мифологии Азербайджана. Первые исследования, касающиеся азербайджанской мифологии, были проведены еще в XIX веке. Ученый-востоковед, первый декан Факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета (ныне Восточный факультет СПбГУ) Мирза Казым-Бек исследовал

основные правила изучения азербайджанской мифологии. В собирании и систематизации азербайджанских мифов большое значение имел журнал СМОМРК, изданный в Тифлисе.

Миф стоит у истоков словесного искусства, мифологические представления и сюжеты занимают значительное место в устной фольклорной традиции различных народов. Мифологические мотивы сыграли большую роль в генезисе литературных сюжетов, мифологические темы, образы, персонажи используются и переосмысляются в литературе почти на всём протяжении её истории. Своеобразное изучение литературы как формы общественного сознания обусловлено ее привязанностью к мифу. Если рассмотреть древнюю азербайджанскую литературу и азербайджанскую литературу средних веков, увидим, что ее содержание носит характер эпоса, сказки. Происхождение всех форм эпоса, сказок непосредственно связано с мифологическим эпосом, мифологическими легендами и мифами о создании мира.

В наши дни в азербайджанской литературе отмечено созданием прекрасных произведений с использованием мифологических образов. В качестве примера можно привести роман Юсифа Самедоглы «День казни», повесть Анара «Белый овен, черный овен», рассказ «Сказка о хорошем царе», роман Эльчина «Махмуд и Марьям», роман Мювлуда Сулейманлы «Кочевье».

Элчин Галибоглу в своей статье «Тюркская мифология как основа нашей культуры», рассмотрев творчество Рамиза Ровшана, пишет: «В творчестве Рамиза Ровшана мы сталкиваемся с чудесными мифологическими образами. Поэт смотрит на дерево, летящую птицу и как-то в его памяти всплывает такое чувство что, это дерево является его предком. В действительности такое родство человека с растениями, птицами, деревьями в целом с окружающим миром обусловлено мифологическим сознанием. Значит, мифы живут в нашей памяти, время от времени пробуждаясь активным образом, вступают в наше сознание» [4].

Все творчество известного азербайджанского писателя, поэта, драматурга, литературного критика Камала Абдуллы основано на определенной мифологической системе. Бести Элибейли в статье «В тайне» отмечает: «Миф является для Камала Абдуллы вторым миром. И он использует этот ирреальный мир как ключ, как код, в мир неизвестности и тайн» [2].

В творчестве современного писателя Камала Абдуллы нашли свое отражение не только большинство этапов историко-литературного процесса азербайджанской литературы конца XX – начала XXI веков

(после критического реализма на пути от модернизма к постмодернизму), но и основные типы мифов.

Большинство исследователей, с типологической точки зрения, делят мифы народов мира на три группы:

1. Космогонические мифы.
2. Этиологические мифы, или генеалогические мифы.
3. Календарные мифы.

Космогонические мифы — мифы о происхождении космоса из хаоса, основной начальный сюжет большинства мифологий. Начинаются с описания хаоса (пустоты), отсутствия порядка во вселенной, взаимодействия изначальных стихий. Основные мотивы космогонических мифов — структурирование космического пространства и времени.

Этиологические мифы, или генеалогические мифы неразрывно связаны с космогоническими мифами. Их конкретное содержание включает различные мотивы: от создания первого человека, его существования на Земле до появления законов ведения государства. Например, широко распространенный среди тюркских народов ряд мифологических сюжетов относится именно к этой категории («Огузнаме», «Сорока-девица», «Мать-олень», «Серый волк»).

Календарные мифы и ритуалы обычно занимают значительное место в мифологической системе, потому что тексты из этого цикла непосредственно связаны с жизнью общества. Следовательно, уже в сформировавшемся Космосе бытие конкретного общества регулируется с помощью этих текстов. Отношения этноса к категории времени проявляется в них же.

Камал Абдулла в основном обращается к космогоническим мифам (Зевс, Танат, Геракл, Афродита, Гера и др.). В плане времени большинство его рассказов сопровождают элементы (ночь, утро и др.) календарных мифов, символизирующих начало света и тьмы. «Утро медленно наступило» («Решение»), «Утро уже наступило, было» («Возвращение Илиш»), «На долину Наггул медленно наступил вечер» («Сказка Гюли гах-гах ханум») и др.

Асиф Гаджилы в своей статье ««Неполная рукопись», или «Целость неполного»» о романе Камала Абдуллы пишет: «Я сказал бы, что роман Камала Абдуллы «Неполная рукопись» в литературной среде, которая находится в застое, зародил оживление, можно сказать, панику. В азербайджанской литературе «Неполная рукопись» - пример интеллектуально-философского отношения к мифу, эпосу и истории» [1, с. 52-54]. До этого произведения о Шах Исмаиле было написано несколько романов. Хотелось бы отметить что, те произведения остались в рамках информации, сказки-эпоса, и в силу этих обстоятельств

раздвоение личности Шаха Исмаила остается тайной. А роман «Неполная рукопись» является серьезным шагом в направлении выявления Правду о гармонии мифа и нашей истории, и сделать этот шаг удалось именно благодаря уничтожению табу и привлечения мифа в ее поиске».

Список литературы

1. Асиф Гаджилы. Камал Абдулла: Морфология выбора. - Баку, Мутарджим, 2010, с. 132.
2. Бести Алибейли. В тайне. - 525-ая газета. 2009, 28 февраль
3. Повествования, мифы и легенды. - Баку. «Восток-Запад», 2005, с. 304.
4. Галибоглу Элчин. Тюркская мифология как основа нашей культуры. [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: www.stib.tk
5. Голосовкер Ю.Е.. Логика мифа. - Баку, «Мир книг», 2006, с 316.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

**«ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ»**

Материалы международной заочной
научно-практической конференции

27 июня 2011 г.

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 07.07.11. Формат бумаги 60x84/16. Бумага офсет №1.
Гарнитура Times. Печать RISO. Усл. печ. л. 6,13. Тираж 550 экз. Заказ 43.

Издательство ЭНСКЕ
630049, г. Новосибирск, Дуси Ковальчук, 270.
E-mail: enske@mail.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-
макета в типографии ЭНСКЕ
630049, г. Новосибирск, Дуси Ковальчук, 270.